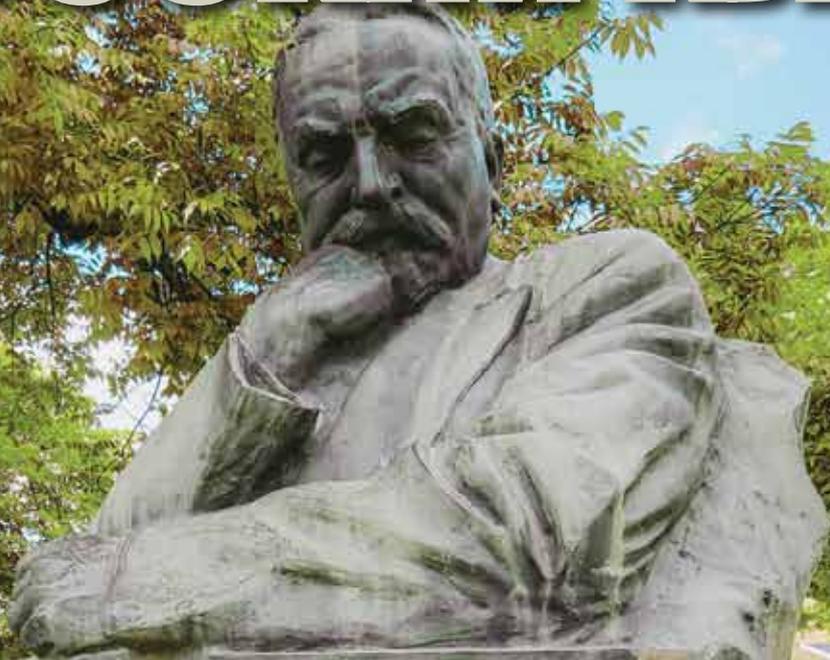

№11

Ноябрь 2022

РУССКИЙ КЛУБ

Стр. 23

«Я – ИЛЬЯ!»

185

 ВТБ

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Заместитель главного редактора
Владимир ГОЛОВИН

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
Елена ГАЛАШЕВСКАЯ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
ЗУРАБ АБАШИДЗЕ
ВАЖА АЗАРАШВИЛИ
НАНИ БРЕГВАДЗЕ
ГУДЖА БУБУТЕИШВИЛИ
РОИН МЕТРЕВЕЛИ
ИРМА СОХАДЗЕ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ

Армения
КАРИНЭ ХАЛАТОВА

Беларусь
ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА

Великобритания
КНЯЗЬ НИКИТА ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
ДАВИД МАРКИШ

Россия
ЗАУР КВИЖИНАДЗЕ
ЕЛЕН ДОРИС

Франция
ГРАФ ПЕТР ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
С-24

РУССКИЙ КЛУБ

№11⁽²⁰⁵⁾
Ноябрь 2022

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

«**რუსული კლუბი**»

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4 ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6 РТВЕЛИ – ЭТО ПРАЗДНИК
ЮЛИЯ ТУЖИЛКИНА
- 9 ГАЛАКТИОН. В ШАГЕ ОТ ЛЮБВИ
ВАХТАНГ БУАЧИДЗЕ
- 12 ТБИЛИССКИЕ ЭТЮДЫ
ЕЛЕНА ШЕРЕНЦ
- 18 АНТОН ДОЛИН: «У ГРУЗИИ СВЯЗЬ С ВЕЧНОСТЬЮ»
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 23 «Я – ИЛЬЯ!»
- 24 МАЛИНОВЫЙ ЗВОН
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 28 ТЕ ИМЕНА, ЧТО ТЫ СБЕРЕГ
ВЛАДИМИР ГОЛОВИН
- 34 ФАНТАЗИЙНЫЕ МИРЫ ПЕТРА ХОТЯНОВСКОГО
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 36 ПРОСТИ, ПОЖАЛУЙСТА!
ПЕТР ХОТЯНОВСКИЙ
- 39 НА ВИРАЖЕ
- 40 Я АВЛАБАРЕЦ!
ЛЕВОН УЗУНЯН
- 44 «КАКАЯ ГРУСТЬ! КОНЕЦ АЛЛЕИ...»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 48 РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 52 «ДУХА. ДАГНЫ»: ИСТОРИЯ МУЗЫ МОДЕРНИСТОВ

На обложке –
ПАМЯТНИК ИЛЬЕ ЧАВЧАВАДЗЕ В ТЕЛАВИ

от Я до

Роб АВАДЯЕВ

ЮБИЛЕЙ ЛОПЕ ДЕ ВЕГА

В нынешнем ноябре исполняется 460 лет со дня рождения великого драматурга и поэта Лопе де Вега. Этот выдающийся представитель золотого века Испании вошел в историю как основатель национального театра. Полное его имя Феликс Лопе де Вега и Карпио, он родился в Мадриде 25 ноября 1562 года в семье выходцев из крестьян. Родители перебрались в столицу, где отец будущего драматурга освоил золотошвейное ремесло, скопил необходимую сумму денег, купил патент на дворянское звание и решил дать детям лучшее образование. Юный Феликс, как называли его домашние и друзья, отличался невероятной восприимчивостью к знаниям. Ему легко давались языки и литература. В десять лет он перевел с латыни поэму «Похище-

ние Прозерпины», а еще через три года написал для театра первую комедию «Истинный любовник». В 14 лет он занимался математикой и астрономией в Королевской академии математических наук.

Но сначала Феликс обучался в иезуитском колледже, а затем в университете в Алькала. Впрочем, его оттуда выгнали за памфлет на семью отвергнувшей его возлюбленной. Он даже был приговорен к восьмилетнему изгнанию из Мадрида, но тайком вернулся в город и увез с собой свою будущую жену Изабель. Какое-то время они жили бедно, и Лопе де Вега служил секретарем у вельможи. Но в итоге отправился служить в армию и даже принял участие в неудачном походе «Непобедимой армады» в Англию. Вернулся он целым и невредимым.

Похоже, судьба берегла неутомного Феликса для великих дел. Только очень уж он был неудачлив в семейных делах – схоронил трех жен и нескольких детей. Но среди кутерьмы театральной богемной жизни Лопе де Вега постоянно заводил интрижки с актрисами и великосветскими дамами, подчас замужними. Жизнь Феликса была полна любовных приключений и походила на его пьесы, где комедия переплеталась с трагедией. Как и многие современные ему авторы, он отважно бросался с головой в разнообразные литературные жанры. И почти во всех преуспел. Правда, его критиковали за небрежность и торопливость. Но что поделывать, когда на руках есть контракт с театрами, вокруг так много конкурентов и вечно поджимают сроки. И при этом еще надо кормить семью. Романы романами, но жена и дети голодать не должны.

Рассказывали, что Лопе де Вега тратил на каждую пьесу не более трех дней, потому что считал бессмысленным тратить больше. Поэтому неудивительно, что за жизнь он написал никак не меньше полутора тысяч пьес. До нас дошло 426, и это просто уму не постижимо. Де Вега считается одним из самых плодотворных писателей в истории. За исключением периода юности и бурной молодости он не знал бедности. Его пьесы были популярны и весьма недурно оплачивались. И на склоне жизни он умудрился скопить солидное состояние, что для писателей совсем нетипично.

Правда, был период в несколько лет, когда ему приходилось работать секретарем у маркизов Мальпика и Сарриа – тогда действовал королевский указ, запрещавший работу театров. Но в 1607 году Феликс начал работать на дона Луиса Фернандеса де Кордо-

ва герцога Сесса, который стал его покровителем и близким другом на долгие годы до самого конца жизни. Драматургу тогда приходилось разрываться между Мадридом и Севильей. Наступил момент, когда жизненные неурядицы привели его к духовному кризису, и только помощь друга – герцога Сесса его спасла.

Лопе де Вега стал набожен и даже принял сан священника. Но неугомонная, жизнелюбивая натура через какое-то время взяла свое – он в очередной раз женился и по-прежнему частенько грешил внебрачными связями. Умер он в возрасте 72 лет, закончив очередную пьесу за месяц до смерти, а очередную поэму – за четыре дня до нее. Его хоронил весь город. Знаменитый современник Мигель Сервантес, автор бессмертного «Дон Кихота», называл его «чудом природы и самодержцем театральной империи». А еще его называли «Фениксом Испании» и «Океаном поэзии».

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ МАРШАК

Стихи этого человека каждый из нас знает с детства. Они легко запоминались, по его сказкам снимали фильмы и рисовали в мультфильмах. А когда мы выросли, то читали в его переводах стихи великих зарубежных поэтов. Но, что интересно, этот человек писал и «взрослые» стихи. И он был гением – это абсолютно точно. Его звали Самуил Яковлевич Маршак. Родился он в ноябре 1887 года в Воронеже в слободе Чижовка в еврейской семье. Но все детство Маршака его семья меняла места жительства – Витебск, Покров, Бахмут, Острогжск, где в семье дяди, зубного врача,

мальчик и рос.

За шесть лет Маршак сменил три гимназии, причем в Петербургскую его устроили по протекции выдающегося русского литературного критика Владимира Стасова, которому переслал тетрадь со стихами юного ученика-вундеркинда один из учителей Самуила. На Стасова стихи произвели такое впечатление, что он решил помочь маленькому таланту не пропасть. В Петербурге в доме Стасова юный Маршак познакомился с Максимом Горьким, который тоже решил принять участие в судьбе Самуила – он увез его в Крым, где Маршак прожил в семье классика два года, посещая там Ялтинскую гимназию. Горький даже показал стихи мальчика и его фото Льву Толстому, который недовольно проворчал, что из вундеркиндов обычно ничего путного не получается.

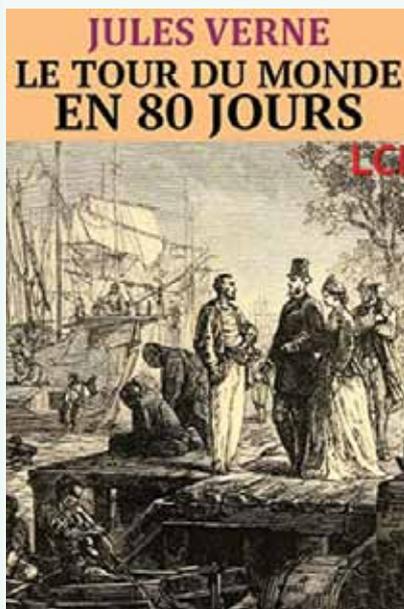
Но жизнь показала, что это не так – из Маршака вышел гениальный поэт. Причем детским поэтом он стал только в советской России. В молодости он много путешествовал, жил в Иерусалиме, закончил университет в Лондоне, ездил по Великобритании, слушал народные и поэтические баллады и потом занялся их переводами. Кстати сказать, именно эти переводы сделали его знаменитым. В Гражданскую он был на стороне белых и писал обличительные стихи про большевиков, а заодно и про монархистов-антисемитов. А потом всю жизнь боялся, что это выплывет наружу. Но пронесло – даже в мясорубку транспорта Большого террора он не попал.

Конечно же, и доносы на него писали, и почти все друзья и знакомые исчезали, но Маршака никто не беспокоил. Он даже ухитрился не подписать ни одного осуждающего письма, не нашлось в архивах ни одного доноса. Его репутация была безупречна. Скорее всего, всеильному Сталину нравились детские стихи Маршака – Самуил Яковлевич стал четырехкратным лауреатом Сталинской премии. И это было заслужено, так как он был не только поэтом, но и прекрасным организатором. С 1922 года в городе на Неве в течение нескольких лет руководил Ленинградской редакцией Детгиза в «доме под глобусом» на Невском и оказывал поддержку многим поэтам и детским писателям – Корнею Чуковскому, Виталию Бианки, Аркадию Гайдару, Даниилу Хармсу и другим.

В войну Маршак остался в Москве, отправив семью в эвакуацию. Он писал сатирические стихи для «Правды», «Красной Звезды» и стихотворные подписи к карикатурам Кукрыниксов. А после вой-

ны мы все стали обладателями его великих переводов сонетов Шекспира, шотландских баллад Бернса, стихов Уильяма Блейка, Вордсворта, Китса, Киплинга, украинских, белорусских, литовских, армянских и других поэтов. Но для всех, в первую очередь, Самуил Яковлевич Маршак – это гениальный детский поэт и сказочник. Прекрасны его переводы английских народных стихов про Робина Бобина, Подкову короля, его великолепные «Двенадцать месяцев», «Кошкин дом», «Теремок», «Человек рассеянный», «Мистер Твистер», «Чудеса в решете» и многое-многое другое. После него осталось три тысячи стихотворений, более полутора тысяч переводов, а суммарный тираж его книг превысил 135 миллионов экземпляров.

ВОКРУГ СВЕТА БЫСТРЕЕ, ЧЕМ ЗА 80 ДНЕЙ

К концу восьмидесятых годов позапрошлого века человечество уже многие десятилетия с увлечением читало и перечитывало фантастические романы француза Жюль Верна, и никому не приходило в голову, что можно побить рекорд, установленный героем его книги «Вокруг света за 80 дней» Филеасом Фоггом. Уж больно кратким представлялся срок такого путешествия до тех пор, пока в кабинет главного редактора и владельца газеты «Нью-Йорк Уорлд» Джозефа Пулитцера (в честь которого названа знаменитая журналистская премия) не ворвалась бойкая 22-летняя девушка, репортер Нелли Блай. Эта барышня, хоть и проработала в газете недолго, уже получила репутацию

пробивной.

Она решительно заявила газетному магнату, что ничего не боится, берется побить рекорд героя романа и совершить путешествие быстрее 80-ти дней. А что особенно важно, заявляла Нелли, совершить его должна женщина – феминизм в обществе еще только зарождался. Пулитцер был человек решительный и рискованный, он решил, что это будет интересно – только в путешествии должны быть использованы самые обычные виды транспорта и средства связи.

В итоге Нелли Блай стартовала 14 ноября 1889 года. Ее маршрут: Нью-Йорк – Лондон – Париж – Италия – Суэц – Цейлон – Сингапур – Гонконг – Иокогама – Сан-Франциско – Нью-Йорк. Кстати, в Париже она имела нахальство попытаться посетить самого великого фантаста. Эта авантюра очаровала Жюль Верна, но он был настроен иронично, хоть и дружелюбно. А сама хрупкая девушка понравилась ему своей решительностью и целеустремленностью. А тем временем Пулитцер организовал газетную сенсацию, и ежедневно в его изданиях появлялись отчеты о путешествии Блай. Тираж газеты вырос, к тому же постоянно осуществлялась допечатка книги «Вокруг света за 80 дней».

Так что коммерческий эффект гонки за рекордом был очевиден. Блай добралась до финиша 25 января 1890, затратив на кругосветку 72 дня 6 часов 10 минут 11 секунд. Часы, отсчитывающие время путешествия, были торжественно остановлены в редакции «Нью-Йорк Уорлд» сразу, как девушку привезли с вокзала. Рекорд литературного героя Фогга и его верного слуги-француза Паспарту был побит! И, кстати, без особенных приключений и препятствий. Среди вороха поздравительных телеграмм в адрес газеты была и такая: «Я не сомневался в успехе Нелли Блай. Она доказала свое упорство и мужество. Ура в ее честь! Жюль Верн».

РТВЕЛИ – ЭТО ПРАЗДНИК

■ **Юлия ТУЖИЛКИНА**

Ртвели, праздник сбора винограда, – именно праздник, а не просто механический процесс, так как в Грузии особо чуткое и трепетное отношение к винограду и виноградной лозе. Оно связано с древними традициями, которым без малого 8 тысяч лет.

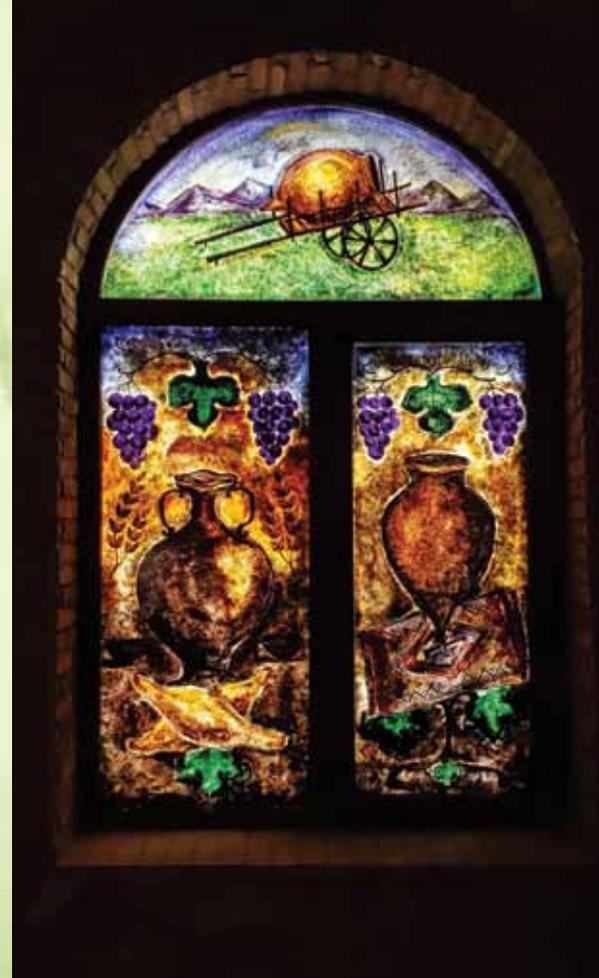
Сбор винограда в Грузии происходит с сентября по ноябрь, в зависимости от погоды. Вино для грузин – не просто напиток, это традиция, пласт национальной культуры. Почти в каждой семье тут есть свое домашнее вино – предмет гордости хозяина. Упоминания о вине или виноградной лозе встречаются в грузинских песнях, легендах и литературе. В последние годы грузины приобщают к своим традициям и иностранцев: существуют специальные винные туры или экскурсии на сбор урожая винограда. Гостям дают возможность поучаствовать в сакральном процессе – сборе винограда и изготовлении вина. Хозяин винодельни с радостью запускает в «сацнахели» – огромное деревянное корыто – желающих самостоятельно давить виноград ногами. Конечно, сейчас так делают исключительно для гостей, технологии ушли вперед.

Но многие из грузинских традиций по-прежнему живы. Например, вино все так же изготавливают в кевври – огромных глиняных кувшинах, закопанных в землю. Кстати, самые старые, найденные в стране кевври, датируют II-III тысячелетиями до нашей эры. Все это доказывает, что Грузия – одна из праро-

дительниц виноделия. А сейчас виноделие и экспорт вина – еще и серьезная статья в экономике страны.

В маленькой Грузии – разнообразие климатических условий, микрорзон, а это значит, что различные сорта винограда созревают в разное время. Потому срок их сбора длится

в течение почти трех месяцев. Ртвели стартует с Кахети – региона виноделия, что славится своей Алазанской долиной и бесконечно расстилающимся виноградниками. Именно оттуда получают самый большой урожай винограда. Затем эстафету перехватывают Имерети, Самегрело, Рача и в самом конце – Аджария.

Каждый регион славится своими сортами винограда и, соответственно, вина. Например, жемчужина Кахетии – красное полусладкое «Киндзмараули», а в Раче изготавливают широко известную на всем в постсоветском пространстве полусладкую «Хванчкару».

По словам, председателя Национального агентства вина Грузии Левана Мехузла, нынешний год – урожайный: «Ежегодно мы собираем 200-300 тысяч тонн винограда. В этом году ожидали максимальное количество – 300 тысяч тонн, но из-за отсутствия дождей и засухи летом, урожая получилось немного меньше. Да и фермеры говорят, у самого винограда вес стал меньше. В этом году соберем 250 тысяч тонн».

Каждый год в начале сен-

тября в городе Телави, на территории местного аэропорта, известного благодаря фильму «Мимино», открываются координационные пункты по приему винограда. Такие пункты являются посредниками между фермерами и винными заводами. Это помогает виноградарям сбывать продукцию, позволяет удерживать и контролировать на местном рынке цены для каждого сорта винограда.

Выращивание винограда – дело сложное, кропотливое, требующее ежедневных сил, внимания и безмерного количества любви. Считается, что виноделие – труд и традиция, которые передаются от отца к сыну. Но так бывает не всегда. Есть и те, кого это призвание охватывает неожиданно, словно зов предков, указывающий путь. Молодой фермер Коба Чикадзе всего пять лет назад сделал решительный шаг: после окончания университета абсолютно спонтанно переехал из Тбилиси в Кахетию и обзавелся четырьмя гектарами земли. Сейчас у него на этой земле 13 тысяч саженцев винограда двух сортов, которые требуют постоянной за-

боты. Вот как Коба рассказывает о выращивании винограда:

«У нас в Грузии говорится: «Вазо швиливит назардо», что означает: «Чтобы вырастить виноград, нужно за ним ухаживать, как за внуком». То есть нужно круглосуточно заниматься виноградником, уделять ему очень много труда и внимания. За сезон к каждому саженцу надо подходить примерно 20-30 раз, обрабатывать, убирать лишние листья, грозди, снимать испорченные. В этом году в Кахетии богатый урожай везде, кроме тех мест, где нет воды и сложно с поливом – ведь была сильная засуха. Сложности еще и в том, что сейчас трудно найти рабочих для сбора урожая – дефицит рабочей силы, так как в последние годы в Кахетии виноградники разрослись, очень многие стали выращивать виноград. А в целом мы довольны. Я собрал примерно 40 тонн «Саперави» и 20 тонн «Ркацители».

Грузинское правительство ежегодно субсидирует урожай винограда, помогая фермерам сдавать определенные сорта по цене выше рыночной. К примеру, в этом году на программу

субсидирования правительство выделило примерно 54,5 миллиона долларов, это на 18 миллионов больше, чем в прошлом году. Виноградари заработали на сдаче продукции более 90 миллионов долларов. А переработкой винограда занимается до 300 винных компаний страны.

А вот что Леван Мехузла говорит об экспорте: «Из нынешнего урожая выйдет примерно 200-210 тысяч тонн вина. Какая-то часть пойдет на брендовые вина, но большая часть – на вина для местного рынка. Вообще диверсификация базара – это наша сегодняшняя цель, так как мы хотим, чтобы грузинская винная продукция выходила и в дальние страны, а не только в соседние».

Сейчас Грузия продает свое вино в 62 страны. Главным импортером остается Россия, на долю которой приходится до 60 % экспорта грузинского вина. На втором месте Польша, на третьем – Китай. А в ближайшую пятилетку Грузия планирует расширить экспортный рынок для своего вина.

километровой доступности от Харагаули. Впрочем, по другой не менее реальной версии, причина появления Галактиона в Парцхнали гораздо прозаичнее: поэтом, дескать, двигали пацифистские мотивы, и, здесь, в деревенской глуши, молодому сельскому учителю можно было безболезненно переждать активную фазу рекрутского набора в царскую армию.

Проучительствовал в парцхнальской школе неполный учебный год, Галактион снискал себе славу учтивого молодого человека, нетребовательного наставника и тихого выпивохи. Однажды слезы Бахуса так затуманили ему глаза, что, проходя по мосту через речку Джихвелу, он свалился в воду... Благо, речка Джихвела мала и неглубока!

Увы, Парцхнали не стал для Галактиона приютом спокойствия, трудов и вдохновения. Покою восемнадцатилетнего юношу лишали местные красотки, трудиться мешало частое утреннее похмелье, а вдохновение нисходило только при протяжном паровозном свисте курсировавшего между Тифлисом и Кутаисом пассажирского поезда. За вдохновением приходилось спускаться в Харагаули – четыре километра неспешным прогулочным шагом.

Дождавшись окончания снежной зимы, Галактион про-

делал этот путь в последний раз, сел на поезд, уехал в Кутаис и вернулся обратно лишь в одном восьмистрочном посвящении все тому же харагаульскому полустанку. Видно, исходный пункт отправления в полнокровную творческую жизнь запомнился поэту лучше, чем парцхнальская точка непродолжительного приложения его не шибко мощных педагогических сил.

Но Парцхнали на Галактиона не в обиде. Напротив, бережно хранит и множит факты его недолгого пребывания в местных широтах. Лет пять назад я наведался в Парцхнали, вместе с кузенком Лео, побывал во дворе сельской белокаменной церкви и воочию увидел яркое памятное свидетельство давнишнего пребывания здесь Галактиона Табидзе: шумит посреди двора посаженная его рукой высоченная липа! Сельчане-старожилы прозвали дерево «Липой Галактиона». Он обучал грамоте их бабушек и дедушек.

Мой родной дядя, уроженец Парцхнали, критик Бенито Буачидзе в молодые годы приятельствовал с Галактионом, не скрывая благодарного пиетета к нему за стихи и просвещение малолетних земляков во всех своих литературных опусах – их у него к 37-ому году накопилось немало. Иные до такой степени не пришли по вкусу Лаврентию Берия, что уничтожение извест-

ной плеяды ярчайших представителей грузинской литературы началось именно с расстрела Бенито Буачидзе. Затравку репрессиям дало выступление самого первого секретаря КП Грузии на многолюдном собрании писательского актива.

Разгромный доклад Берия о промахах и неудачах советских «инженеров человеческих душ», кстати сказать, неоднократно прерывался аплодисментами тех, кто очень скоро вслед за Бенито Буачидзе бесследно канул в физическое небытие. Ох, какая жестокая правда сквозит в дневниковой записи Галактиона Табидзе, сделанной им, наверное, в минуту похмельного отчаяния: «В нашем Союзе писателей доверять никому нельзя... Все – лицемеры!»!

Государству было глубоко безразлично, доверяют или нет друг другу самолюбиво-завистливые собратья по перу. Главное, чтобы они верили в непоколебимую правоту власти, или хотя бы, на худой конец, делали вид, что верят... Галактион Табидзе делал вид. Этому его научили сырые стены Метехской тюрьмы, куда он попал после советизации Грузии за публикацию поэмы о народном восстании 1924 года. Недолгая отсидка имела долгие профилактические последствия для поэта с точки зрения его лояльного отношения к любым действиям власти, порой даже очень антигуманным. Инстинкт самосохранения довлеет над всеми нами. Над гениями, возможно, в первую

Липа Галактиона

очередь. Да и эпоха была такая! Сначала – революционная. Потом – сталинская. Названия поэм Галактиона того времени говорят сами за себя – «Джон Рид», «Революционная Грузия», «Эпоха».

Власть отплатила Галактиону орденом Ленина и почетным званием народного поэта Грузии. Он отплатил самому себе перманентным погружением в алкогольный дурман и вечной разлукой с любимой женой Ольгой Окуджава. Партийная активистка, она боготворила Ленина, недолюбливала Сталина и, как якобы ярая сторонница Троцкого, после четырехлетних лагерных мытарств в 1941 году была расстреляна вместе со ста пятьюдесятью такими же огульно обвиненными политзаключенными в лесу под Орлом. От пули в затылок супругу-бунтарку не уберегли ни крупные творческие заслуги, ни показательные верные

Железнодорожная станция в Харагаули

подданические настроения мужа-орденоносца.

Эпоха, так неискренне перевозносимая Галактионом, явила свое истинное лицо. В него можно было либо плюнуть, либо замолчать... Поэт не сделал ни того, ни другого. Отойдя от парадного славословия, Галактион продолжил писать превосходную лирику и, предполагаю, крепко жалел о своем опрометчивом, вполне серьезном обращении к властям с просьбой переименовать город Самтредия в Сагалактионо. Тщеславие медленно сходило на нет. Возрастала тяга к алкоголю.

Я был близко знаком с племянником Галактиона, литературоведом Нодаром Табидзе, и не раз слышал от него рассказ о последних годах жизни гениального дяди. За нее он уже не держался, ясно понимая, что впереди – бессмертие. К нему К нему «Под луной Мтацминды» его мчали «Синие кони» и бесчисленная россыпь других прекрасных стихов. Читая их, с молодым Галактионом можно беседовать бесконечно, чем я в

юные годы с удовольствием и занимался. Позднее наши беседы сменились моей ежеутренней мольбой. Долгое время я трудился на телевидении, и сокращая маршрут, ходил на работу через территорию вакийского «Лечкомбината». Окно кабинета заведующего неврологическим отделением, из которого выбросился Галактион, находилось на четвертом этаже и выходило во двор с бюстом Ленина посреди цветочной куртины. Всякий раз проходя под окном, я, словно заклинание произносил одну и ту же фразу: «Не делай этого шага, Галактион!» И всякий раз, словно продолжая нашу прерванную беседу, нашептывал самый любимый, когда-то мной переведенный на русский язык галактионовский стих «Без любви»:

Без любви солнце стонет
на весь зоревой небосвод,
Выдыхается ветер и трепет листву покидает.
Без любви не бывает ни хрупкого мира красот,
Ни бессмертия без вдохновенной любви
не бывает.

Но любовь, что зовется последней,
от прежних отлична,
Как тот розан осенний красивее
первых цветов, –
Не нужны ей ни вихрь заверений,
по-юному зычный,
Ни бесцельность томленья,
ни страстных полуночей зов.

И цветок тот, расцветший в степной,
протуманенной стыни
Лепестком не похож на соцветья весенней
поры:
Нет горячности ласк,
нет эфирных поклонов в помине.
Вместо них – милость неба
да ветра тяжелый порыв.

Как же он неотступен,
безрадостный миг увяданья!
Все грустнее последней любви
милолетный привет.
Без любви бесполезны
при жизни любые старанья,
Ну а после нее без любви и бессмертия нет.

ТБИЛИССКИЕ ЭТЮДЫ

■ Елена ШЕРЕНЦ

Окончание

VIII МЕССАЛИНА

Почти в каждом уважающем себя городском дворе была своя Мессалина. Где-то она была начинающей, мелкой поблядушкой, как сказала бы Эличка. Или вонючей «мандавошкой», как сказал бы сапожник Эдик. В другом дворе – профессиональная, знающая себе цену «Валерия Мессалина», такая же известная в узких кругах заинтересованных жителей Города, как и третья жена императора Клавдия в I веке нашей эры. Каждая из этих девиц и дам пришла к своему призванию своим путем. Одни, склонив голову перед сухой-судьбой в лице коварного соблазнителя (у каждой был свой дьявол), бросившего ее, влюбленную и доверчивую, в пучину «разврата». Другие совершенно осознанно выбрали этот промысел, наплевав на проклятия родных и пересуды соседей.

В Наткином дворе была своя Мессалинка – Мариам. Жила одна, перебравшись в Город,

полный соблазнов и пороков, из ближайшей деревеньки. Ее папа продавал мацони, козье молоко и домашний сыр и был уважаемым хозяйками всего района. Его жалели, молча переживали за него, так же молча осуждали его за родительский недосмотр. Но, что с дерева упало, то упало. Обратно не возвратишь.

Соседи снисходительно относились к молодой путане, кто-то жалел ее, кто-то молча осуждал непутевую девицу. Хромоногая Гугули особенно злобствовала на счет девицы. Не могли понять ее чистые душа и сердце, знавшие только одного мужчину в этой жизни, как такое пакудство может свершаться на земле. Тем более во дворе, где гуляет ее ненаглядный внук, названный в честь почившего героя войны. Не раз соседи оттаскивали разъяренную старуху от грешного тела Мариам. В слепой ярости Гугули целилась в волосы Мариам, которые были главным ее достоянием. Роскошные и густые, вьющиеся на концах, они переливались на солнце рыжими и золотыми бликами – мечта, а не волосы.

Не раз Эличка проводила

воспитательные беседы с нападающей стороной, взывая к ее годам и мудрости, к природной доброте женщин. Все было зря. Очередным поводом для скандала послужило святое знамя, которое хранилось на общей кухне до очередного марш-броска Гугули на кладбище. Мариам жарила блинчики. О, эти полупрозрачные, тончайшие блинчики! Соседи знали, что каждый получит свою горку горячих, сочащихся маслом блинов.

И вот, Эличка спешит в общую кухню, ведомая хриплыми воплями Гугули, взвизгами Мариам и робкими протестами свидетелей. Гугули, держа в одной руке оскверненное знамя, другой таскала за волосы Мариам, мотая ее из стороны в сторону. Траурные хламиды развевались, придавая всей картине трагическую театральность. Гулкое помещение кухни омывали изошренные проклятия, приправленные щепоткой забористого мата. И этот остро пахнущий букет сквернословия взмывал к закопченному потолку кухни и оглушительно обрушивался на участников драмы. (Изумительны были познания

старушек этого двора по части ругательств. Не могла же Эличка в своем заведении для благородных девиц научиться так ругаться? А Гугули, имея за спиной православную школу для девочек при церкви святой Нины, а впоследствии Политехнический институт – неужели и там готовили настолько разносторонне?)

Эличка бросилась вызовлять Мариам. Тут все прояснилось – произошло святотатство! Мариам в пылу жарки брызнула капли масла на святое знамя! Эличка, обняв разъяренную вдову за костлявые плечи, увела из кухни: «Ну ты посуди, она молодая, неопытная, глупая. Хотела как лучше, для всех же делала блинчики. И для тебя, старая карга!»

– Б...ь она! – рявкнула Гугули.

– Ну какая она б...ь? Просто ошибается по молодости. Вспомни себя в ее возрасте, Гугули открыла рот и застыла. «Во-от, – примирительно сказала Ниночка, – вспомнила? Умница». Гугули сбросила с плеча дружескую руку и поковыляла прочь. Призрачное красное знамя реяло за ее спиной.

IX ГРЕКИ. СКАНДАЛ

Стоял необычно жаркий май. Солнце безжалостно поджаривало крыши, балконы и асфальт. Воздух обморочно колыхался. Окна и двери были нараспашку, создавая иллюзию вождельного сквозняка. Раскаленная синева неподвижно застыла в небе и не давала ни одного шанса облакам приползти с гор и принести прохладу изнывающему от зноя Городу. Дизи, весь день хлопотавшая по хозяйству, пришла к Эличке на балкон попить кофе.

Неожиданно, из глубины двора раздался звериный рык. Эличка бросила встревоженный взгляд на двери вдовы Гугули. Но старуха мирно похрапывала в кресле, прямая, как древко ее боевого знамени, артритные пальцы сонно перебирали складки черной накидки. Дизи ринулась по лестнице вниз, мигом сообразив, что шум несется из их домика.

Юра стоял в спальне, как статуя Персея, изваянная Антонио Кановой и Бенвенутто Челлини вместе взятыми, и держал

в протянутой руке не отрубленную голову Медузы Горгоны, а живого и голого мужчину. Дизи охнула. Эличка на секунду зажмурилась, надеясь, что все это ей привиделось. Открыв их, она увидела, что все осталось на своих местах.

– Что это? – рыкнул Юра и потряс мужчину так, как если бы держал в руках дохлую курицу. Мужчина не издавал ни звука. Женщины тоже. Эличка поняла, что только она сможет остановить Юру от дальнейшей расправы над голым мужчиной.

– Юра, дорогой, положи его на место, – строго сказала она.

– Куда?! – зарычал Юра, глядя на женщин налитыми кровью глазами. – Сюда? – И мотнул головой в сторону кровати со смятыми простынями. Дизи в отчаянии замотала головой, зажимая рот обеими руками. Эличка кивнула. Юра брезгливо разжал хватку, и мужчина кулем повалился на кровать. Тут он открыл глаза и в изумлении уставился на окруживших его людей.

– Вы кто? – язык у него заплетался.

– А Вы, извините, кто? – Ведь не существовало ситуации, в которой Эличка могла потерять свое достоинство.

– Автандил, калбатону, – представился мужичок и лихо радочно натянул на себя просты-

ню. – А что вы тут делаете?

Юра навис над ним и заорал дурным голосом: «Что Мы тут делаем!? Это Ты что делаешь в моей постели!?». Мужчина умоляюще посмотрел на Эличку, тут же поняв кто тут главный: «Значит так, Автандил, вы сейчас оденетесь, и мы поговорим, хорошо?» Мужчина покорно кивнул, испуганно косясь на багрового Юру.

Как оказалось, Автандил, сосед с параллельной улицы, проходясь в сильном подпитии, забрел в чужой двор и пробрался вглубь к домику греков. Там он, не приходя в сознание, улегся спать, аккуратно сложив свои вещи. Эличка не могла не восхититься дрессурой неведомой жены Автандила. Туфли стояли рядышком, выровненные как по линейке.

В Юре неожиданно проклюнулся предок – греческий поэт: о, женщина! Коварство твое имя! Привела в дом любовника и уложила на супружеское ложе! О Боги, вы свидетели, он – рогоносец, несчастный и доверчивый осел! Он сейчас же разведется с ней, этой путаной! Неконтролируемая ревность залила его разум густой и вязкой пеленой, не оставив ни щелочки, ни миллиметра для здравого смысла и иронии. Дизи, Эличка и вмиг протрезвевший Автандил в из-

умлении смотрели на Юрины метания по комнате.

– Сопляк! Угомонись! – Эличкин вопль мгновенно отрезвил Юру. Он замолчал и схватился за голову, раскачиваясь из стороны в сторону.

Дети так и не узнали, какие страсти кипели в их доме. Придя домой, они с удивлением обнаружили, что матрас, подушки и одеяла сушатся во дворе, хотя еще не пришло время для летней стирки шерсти и шитья новых чехлов. Мир в греческой семье был восстановлен.

Х СУШКА ШЕРСТИ

Каждое лето в августе во дворе разыгрывалось действие. Эличка звала двух айсорок из соседнего дома и отдавала им на растерзание шерстяные одеяла и матрасы. Айсорки снимали старые чехлы, промывали под краном во дворе свалявшуюся за год шерсть и раскладывали шмотки мокрой шерсти на солнце для просушки. Через несколько часов шерсть высыхала. Тогда женщины, подвязав свои цветастые юбки, вооружались кизилowymi прутьями и начинали долго взбивать чистую шерсть. Натка обожала этот момент. Она носилась босиком по теплым об-

лакам слегка покалывающей, разогретой на палящем солнце шерсти. Женщины не больно стегали ее по босым ногам тонкими прутьями, для вида сердясь и сгоняя ее с расстеленных простынь. Натка загадывала желание, и оно должно было исполниться, если пруттик не доставал ее. Потом, тут же, во дворе чистая и взбитая шерсть запикивалась в новые чехлы и наперники. Готовые квадраты, набитые шерстью, простегивались толстой ниткой, и о, чудо! Новые одеяла и матрасы аккуратной мягкой стопкой возвышались посередине двора, а уж лежать на этой горе, пахнущей солнцем, было таким наслаждением!

ХИ САНДРО

Сандро, Наткин одноклассник, несколько раз оставался на второй год. Все, чему его учили отскакивало, не оставляя ни царапины, ни следа. Он не был тупым, ему просто было лень. В выпускном классе (ему было почти 18 лет) он женился и родил дочь (выгонять его не стали – дали доучиться). Директор торопливо вручил ему диплом и мысленно перекрестился.

Всезнающая Эличка рассказала Натке о внезапном поворо-

те его судьбы. У Сандро неожиданно обнаружился голос, и не просто голос, а редкой красоты оперный бас! И надо было с этим подарком судьбы что-то делать! На семейном совете, в котором Сандро не принимал участия по причине равнодушия к происходящему, после маминых криков, бабушкиных обмороков и выпитого юной женой валокордина, было принято судьбоносное решение – его повезли на прослушивание в Ереванский оперный театр к оперной звезде Гохар Гаспарян, и она взялась его учить.

Сандро покорно разрабатывал голос, тренировал связки, пугая соседских кошек мощным басом. Гаммы со временем превратились в мелодии, вызывая восторги и аплодисменты от соседей и прохожих. Сандро кланялся, стоя у окна. Он укутывал горло теплым шарфом (нельзя простуживать!), перестал курить и пить холодное пиво (нельзя переохлаждать!)

Он появился в Наткиной взрослой жизни неожиданно. К этому времени он успел развестись, разочароваться в опере, но фанатично захотел снимать кино. Сандро стал оператором-самоучкой. И начал работать на киностудии, как и Натка. Монтажеры Козетта и Саламбо обожа-

ли его и подкармливали. Имена обеих старых девушек вызвали у Натки удивление только в первые дни. Когда же она познакомилась с другими обитателями темных студийных коридоров Кокило и Робинзоном, все встало на свои места.

Просто киностудия приберегала сокровища на потом, постепенно открывая перед Наткой закрома: хромающая на одну ногу Анжелика-бухгалтерша или приволакивающий негнувшийся протез пьянчужка – завхоз Октавиан. Имена Индира и Мадонна, Шергил и Ричард были простыми и понятными, что тут удивительно?!

XII СЪЕМКА

Директор съемочной группы – человек, в ведении которого находятся деньги, машины, гостиницы и все прочее, что обеспечивает комфортное существование съемочной группы. Это не продюсер, не надо путать, да, собственно лет 15-20 назад никто и не слышал о такой профессии. Продюсером было Госкино, государство, а директор картины был ходячим кошельком. Кокило был таким кошельком, скорее сделанным из дерматина. Огромный, даже по местным меркам, сизо-красный нос занимал половину сморщенного лица. Он всегда все забывал: когда назначена съемка, забывал заказать машину, забывал деньги, но продолжал работать, не нажив при этом недругов. Режиссеры и операторы, главные люди на съемочной площадке, относились к нему терпимо, прикрывали перед начальством и терпели его пьянство.

Кокило носил засаленный портфель, из которого доставал то смятые бумаги, то мятую кепку, которая спасала его от непогоды, то стакан и небольшую фляжку. Киношники обладали способностью добывать спиртное в любой дыре, в любое время суток и пить без стаканов. С объектива скручивалась насадка-бленда, крепко прижималась к ладони и туда заливалась жидкость. Кто первым придумал такой способ питья – история умалчивает, но, этим пользовались все, кто хоть однажды по-

бывал в полевых условиях.

Это была Наткина первая киноэкспедиция. Шесть мужчин старались вести себя по возможности прилично. Сандро и его ассистент не ругались матом вслух, но беззвучно шевелили губами. Кокило держался изо всех сил, и поэтому сильно выпивал.

Как-то, группа заночевала в местной гостинице в горах. В эту небольшую гостиницу время от времени привозили иностранцев полюбоваться красотами Главного Кавказского Хребта. Только что приехала очередная группа немцев. Они высыпали на свои балконы, с которых открывался сумасшедший вид на горы вокруг. Натка пила кофе и разговаривала с Сандро, курившем на

соседнем балконе. Пели птицы, солнце еще не начало припекать, горный ветерок бодрил до мурашек.

В центре пустой парковки появился Кокило в мятом костюме. Он с наслаждением закурил и расстегнул ширинку брюк. Немцы, до этого момента восторженно вздыхавшие со своих балконов: «Oh, Mein Gott!!! Das ist fantastisch!!!», тревожно затихли. Все смотрели на Кокило, который, с наслаждением писал, немного покачиваясь. Прозрачная струйка весело брызгала на асфальт, затекая в мелкие трещинки. Звериный рык Сандро взорвал тишину. Птицы притихли, соседняя речка перестала журчать, горы вторили эхом мощно-

му оперному басу. Немцы дружно защелкали затворами, как если бы там, на месте Кокило с расстегнутой ширинкой, стояла бы девица в бикини. Сандро забыл все обещания не матерится: «Ты, что себе позволяешь, алкоголь сраный! Гнусь горная!».

Водитель сидел в автобусе и каждый раз сокрушенно качал головой, стоило Сандро произнести очередное бранное слово.

– Батоно Сандро, что я сделал?! – Кокило сжался и заслонился мятым портфелем, как щитом.

– Ты писал вот тут, на этой гребанной площади...твою мать!!! – вопил Сандро, возвышаясь над Кокило как гора.

– Я?!... Что Вы такое говорите! Я не так воспитан! Вы меня обижаете, и маму мою тоже! Извинитесь, пожалуйста! – Кокило бережно огладил полы засаленного пиджака.

Сандро замахнулся на него огромной лапищей. Они стояли, как два боевых петуха, готовых к бою.

– Значит так, ты сейчас же извинись перед Наткой, – Сандро ткнул Кокило в грудь пальцем. Кокило шатнуло в сторону: «Э-э-э, что я такого сделал? Ну хорошо. Я извинюсь перед Вами, Ната-джан. Но хочу уточнить, что я сделал?».

Тут Натка не выдержала: «Слушайте, вы оба! Целая гостиница немцев смотрела, как наш директор мочится при всех! Между прочим, многие это фотографировали».

– Немцы? Где немцы? Что,

война!? – Кокило никак не мог сфокусировать взгляд, он смотрел на Натку в недоумении.

– Какая, на х.. война!? – рявкнула Натка. Сандро и водитель изумленно уставились на нее: «Гостиница полна туристов!»

– Уважаемая, да насрал я на всех! Да пошли они в жопу! Но ты!! Чеми цодва!!! Будь я проклят! Почему я не умер в этот момент, как вшивая собака!! Дорогая моя, что ты хочешь, чтобы я сделал?» – Кокило молитвенно сложил ладони.

– Больше не выпьешь ни капли, – мрачно отчеканил Сандро. Кокило помолчал, открывая и закрывая рот, как рыба, выброшенная на сушу: «Убиваешь, да?! Режешь без ножа?! Я, что, верблюд?».

– Увижу – убью. А потом уволю, на х..! – Сандро повернулся к Кокило каменной спиной и пошел к автобусу.

– Ах так! Увольняй!! Я отказываюсь! – стонал Кокило. Не оборачиваясь, Сандро пригрозил огромным кулаком. Кокило не выполнил «просьбу» и продолжал пить. Его не уволили.

XIII РАЗВОД

В один прекрасный день супруги Мустикиди решили развестись. Понарошку – для улучшения жилищных условий. Жизнь в пристройке: из щелей дует, туалет во дворе, окна маленькие. Решено – пора на старости лет пожить комфортно (с теплым туалетом).

Развод был обставлен для соседей и родственников серьез-

но. Юра позорно бежал к брату после оглушительного скандала. Тут Дизи постаралась и вдоволь наоралась, все сказала этому шакалу, что накопилось за годы жизни. Юра, хоть и знал, что это игра, обиделся, и брату пришлось выпивать с ним, а ранним утром переться с ним в хашную и отходить от тяжелого похмелья.

Но, любовь-то куда не денешь даже после одноразового показательного скандала. Юра стал навещать Дизи тайком, по ночам пробираясь по спящему двору. А утром, пока соседи спали, так же тихо уходил. Романтично, думал Юра, прижимаясь к стене соседнего дома и отряхивая ладони от старой штукатурки. В одно из таких утр, Юра наткнулся в подворотне на подвыпившего соседа, который возвращался с пьянки и с трудом тащил ноги в ожидании дежурного скандала с женой. Увидев Юру, сосед ухватился за возможность оттянуть возвращение. Слово за слово, Юра что-то мямлил, пытаясь улизнуть, и тут сосед говорит: «Зря ты Дизи бросил. Хорошая она баба. Что ты слушаешь и веришь всяким идиотам. Мало ли, что соседи говорят...».

Юра встрепенулся. – А что говорят??!

– Эээх! Прав был Кутузов! Кто в чужие дела вмешивается, я того маму! – сосед обреченно махнул рукой. Юра побрел прочь, обдумывая слова фельдмаршала.

А потом в городе началась война.

XIV ВОЙНА

Стоял холодный бесснежный декабрь, дело шло к Новому году. Война шла в одном районе, в начале главного проспекта, вокруг Дома с колонами. Около Оперного театра, построенного в середине 19 века в мавританском стиле, стояло заграждение. Там собирались горожане и обсуждали последние новости. Торговцы предлагали кофе из термосов и горячие хачапури. Здесь дежурила скорая помощь, ее вызывали сигнальной ракетой. Обе стороны не стреляли во врачей, которые быстро грузили раненых и убитых и уезжали с поля боя. В остальном городе шла обычная

жизнь и работало телевидение. Горожане жили привычной жизнью: по утрам принимали душ, брились и красились, пили кофе и шли на работу.

Снайперы с одной стороны, единственная пушка – с другой. В мирное время пушку использовали в горах, вызывая безопасные небольшие лавины. Пушка палила прямой наводкой два-три раза в день. Ночью пушка молчала, чтобы не будить горожан. Проспект простреливался насквозь, пули улетали в сторону реки и уплывали в сторону далекого Каспийского моря. В этом, единственном районе не работало электричество. Его отключил мудрый электрик, рассудив, что воюющим не предъявишь счет за свет. Ночью воевать было трудно, в декабрьском небе ни луны, ни звезд. Бойцы из Дома поджигали зажигательными пулями пустые дома, вспыхивающие как факелы. При свете горящего дома перестрелка вяло продолжалась. К утру дом обреченно догорал, а к ночи наступал черед следующего. По городу ходили слухи о том, как выстрелом в лоб был убит прохожий, или, как был сожжен дом известного певца. Наткин папа попал в перестрелку по дороге с рынка. Вспомнив «тактику поведения при уличных боях», он бросил сумку с продуктами, и, прячась за углы домов, падая на землю и пережидая пулеметную очередь, гордый, но грязный добрался до дома. Купленного цыпленка он не бросил.

Мужчина появился у Оперы в первый день войны. Он был известным театральным режиссером. Жена его, актриса, ходила в первых красавицах Города. Никто его не трогал, не донимал разговорами, ему приносили кофе и еду, которая так и оставалась нетронутой. Вокруг него образовалось бесшумное пространство – люди понижали голоса, дети переставали шуметь. Общее молчаливое уважение испытывали все в этой разношерстной толпе. И казалось, ничто на свете не сдвинет его с этого места. Даже больная жена, которую выбросил из привычной жизни тяжелейший инфаркт. Оба его сына были там, где шла стрельба, откуда вывоз-

или раненых и убитых. Оба были по разные стороны «баррикад». Один сидел в бункере президентом. Второй воевал на стороне взбунтовавшейся гвардии. Мужчины сидели на глазах горожан. На пятый день войны он стоял с белой гривой, бормочущий то ли молитву, то ли проклятия.

И Натка, думала: вот она какая – гражданская война, про которую она читала в книгах. Только в книгах не писали о посевшем от горя старике.

ЭПИЛОГ

Война расколола Город и жизнь горожан на «до» и «после». Горожан разбросало в разные стороны, как после мощного взрыва. Это и был взрыв. Беспощадный и неожиданный. Город, где никого не притесняли за иную веру и традиции, где соседи считались близкими родственниками, а друзья – семьей, с изумлением обнаружил в себе жестокость и ненависть. Он, как опытный и подлый преступник, вовлекал в свою действительность все больше и больше горожан. Никто не спасся, ни дети, ни старики. Все были «повязаны», все были участниками, все были виновны.

Никто не знал, что следующий год будет самым страшным в истории Города, люди будут разводиться костры во дворах, чтобы разогреть еду. Дома будут стоять, ощерившись трубами от печек-«буржуек», и черная солярочная копоть покроет стены жирной пленкой не только снаружи, но и внутри. На широких кружевных балконах засохнет забытый всеми виноград. По ночам выстраивались очереди за хлебом и мукой, горожане засыпали одетыми в промерзших постелях, всю ночь прислушивались к выстрелам за окнами. Света не было, телефоны не работали, и милиции не существовало. Город окутала серая мгла, в которой, как потерянные дети бродили посеревшие и постаревшие жители. Из него с черным жирным дымом уходили краски, запахи, звуки. Город пах немывыми телами, кострами, соляркой и керосином. Город пах обреченностью.

Папа раскопал в подвале

старую печку, пугающую неотвратимостью свершившегося ужаса. Эличка готовила еду на керосинке, а бидоны с керосином и соляркой противно воняли в дальнем углу квартиры. Старуху Гугули похоронили рядом с ее героическим мужем, не забыв водрузить над могилкой потрепанный флаг. Сапожник Эдик остался без работы. Чинить обувь стало некому – никто не думал о новых набойках. Однажды жители обнаружили его будочку закрытой на огромный амбарный замок. Никакой записки не было. Он так и не вернулся.

Эличка тяжело перенесла смерть своей дорогой Терезы. К Доре она больше не ходила, тем более что ее ненавистная невестка увезла ту в мирный Ставрополь.

Сандро уволился с киностудии и ушел в народную полицию, заимел оружие, и с сотнями таких же добровольцев прочесывал улицы, пытаясь хоть как-то восстановить порядок в Городе. Натка злилась на него, ей казалось, что он тоже поддался общему безумию и решил посвоему с кем-нибудь повоевать. Но, Сандро ее не слышал. И, Натка чувствовала, что ее бросили, забыли и предали. И только Эличка, упорно твердила: «Ничего, все уляжется, утрясется. Город сорок раз сжигали враги – а он возрождался! Так и будет».

И очень хотелось ей верить, но ох, как же трудно было это сделать.

A black and white portrait of Anton Dolin, a man with short, light-colored hair, looking slightly to the right. He is wearing a dark t-shirt with the words "YOU WILL" visible. In the top left corner, there is a close-up of a camera lens and part of a microphone.

АНТОН ДОЛИН: «У ГРУЗИИ СВЯЗЬ С ВЕЧНОСТЬЮ»

— Анастасия ХАТИАШВИЛИ

Трудно поверить, но известный российский журналист и кинокритик Антон Долин в Грузии оказался впервые. И этому приятному визиту были несказанно рады не только его поклонники в Тбилиси, но и он сам.

В столице Грузии знаток кино, изучающий людей через кинематограф, а кино – через людей, находился по работе. Он выступил перед грузинскими киноманами с лекцией на тему «Зачем нам кино, когда рушится мир?»

Не скрою, выловить на интервью Антона Долина оказалось задачей не из легких. Но уж очень хотелось поговорить с интеллектуалом такого уровня о жажде искусства в непростые времена, о шедеврах мэтров кино из Грузии, о режиссерах новой грузинской волны и о том, чем его так «зацепила» Грузия. И все получилось. Как говорится, звезды сошлись.

– Как получилось, что вы раньше не бывали в Тбилиси?

– Просто стечение обстоятельств. Я думаю, что у каждого человека на свете, в том числе, много путешествующего, есть места, о которых он знает, куда стремится, куда ему интересно попасть, но вот как-то обстоятельства не складываются. И ты оказываешься там сильно позже, чем предполагал. У меня так было с несколькими городами и странами. Теперь я, наконец-то, добрался и до Тбилиси. Хочу верить, что это случайность, и что я побываю здесь еще много раз. Во всяком случае, на вечере, где я выступал в Тбилиси, я имел возможность наблюдать: здесь есть публика для того, чем занимаюсь я. И есть люди, для которых важны и интересны те вещи, которые я делаю, о которых говорю. Поэтому будет повод вернуться как минимум в рабочем смысле. Ну а так-то я, и не побывав здесь, знаю прекрасно, что Грузия – страна интересная, древняя, насыщенная культурными, историческими точками, которые, в общем-то, обязательны к ознакомлению. Поэтому – да, вернусь, теперь, надеюсь, с семьей.

– И каковы ваши впечатления от первой встречи с Грузией вживую?

– Наверное, главное впечатление, это какая-то домашность и неформальность. Честно говоря, не то, чтобы это удивительное впечатление. Я примерно такого и ожидал. Это видно и в устройстве города, и в поведении людей, и в том, как устроены обслуживание в ресторанах или общение с продавцом в магазине или на развале. Вот сейчас я, например, живу в Риге. И в странах Балтии существует лично для меня очень комфортная, но непривычная для москвичей, дистанция корректности, вежливости и уважения к личным пространствам.

– Здесь этого нет?

– В Тбилиси, как я это наблюдал и в Ереване, где бывал много раз, другие представления о личном пространстве. Но дело не в отсутствии уважения, а в неформальном личном человеческом отношении, даже к незнакомцу. И это для меня опять же, как для уроженца и жителя мегаполиса, качество редкое и

Антон Долин и Анастасия Хатиашвили

необычное. Я с любопытством на него смотрю. И мне надо, наверное, его еще осмыслить.

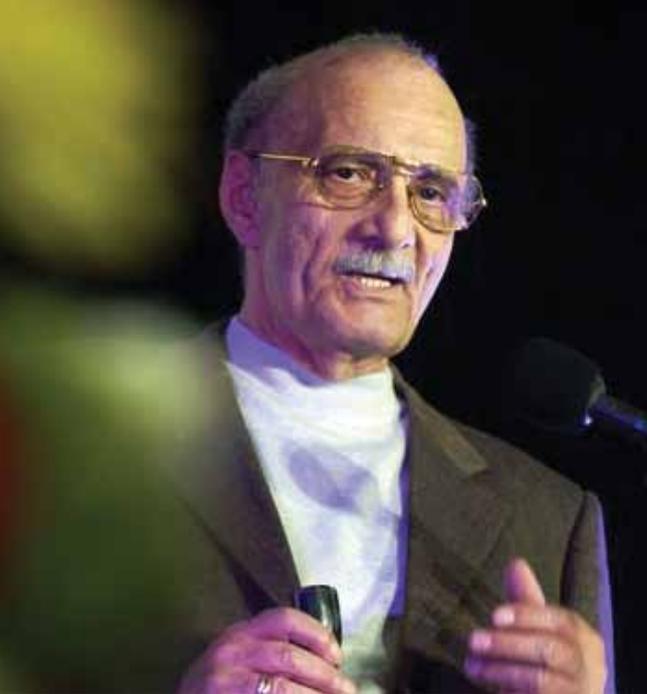
– А что еще интересного вы заметили в Грузии?

– В любом месте, когда ты проходишь по поверхности туристических точек, несомненно, всегда интересных, самое увлекательное – это люди. Их отношение, поведение, интонация, взгляды, стиль держать себя и одеваться. Для меня во всяком случае это интересно – потому, наверное, что любая критика, и кинокритика уж точно, сродни социологии, антропологии. Ты изучаешь людей через кино. И не только тех людей, которых видишь на экране, или тех, кто делали фильм, но и тех, кто смотрит фильм.

– Давайте поговорим о старом грузинском кино. Какие картины для вас самые важные?

– Лично для меня главный грузинский фильм, номер один – это, конечно, «Покаяние». Я мог бы пускаться в длинные объяснения, почему этот фильм важный, почему это краеугольный камень десталинизации культуры. Все это так, но на самом деле есть просто житейское обстоятельство. Мне кажется, это был первый фильм, в котором я услышал звучание грузинского языка, увидел Грузию, вне зависимости от сюжета и героев, которые меня, конечно, тогда очень впечатлили. Мне было, наверное, одиннадцать лет, когда я посмотрел «Покаяние». И, как точка отсчета, остался именно этот фильм.

Иоселиани я, конечно, очень почитаю, но так сложилось, что первыми фильмами, которые я видел, были его французские фильмы. А уже потом грузинские. Он для меня так и остался немного французом. Впрочем, я читал у многих моих коллег, которые умнее меня и дольше его исследовали, что он не грузинский грузин и не французский француз. И как раз такая его межнациональная и междисциплинарная культурная принадлежность и создает художественную уникальность Иоселиани. Возможно, так оно и есть. Конечно, я очень люблю Данелия. Но он для меня начался с «Я шагаю по Москве». И «Осенний марафон» и «Афоня» – фильмы, для меня не менее важные, чем «Не горюй!» и «Мимино». И все-таки и Иоселиани, и Данелия, в моем восприятии, уступают Абуладзе. «Древо желания» и «Мольбу» я сначала посмотрел в детстве, и мне показалось, что они очень скучные. Во взрослом возрасте пересмотрел, мне повезло увидеть их на большом экране, и, конечно, был восхищен. Вряд ли здесь может быть какая-то иная реакция. Это, действительно, настоящее искусство. Так что фильм «Покаяние» (я не знаю, до какой-то степени можно считать этот фильм грузинским) остался точкой отсчета, и если он до сих пор точка отсчета, не думаю, что это когда-нибудь изменится. Потому что некоторые впечатления, которые мы получаем в детстве, самые сильные. Кстати, еще одно очень сильное впечатление моих подростковых лет – это «Кин-дза-дза!» на большом экране. Но все-таки это типичный советский

Георгий Данелия

перестроечный фильм. Мне кажется, самое грузинское, что в нем есть – музыка Канчели. И опять же, для меня Канчели не столько грузинский композитор, сколько всемирный. Хотя он и грузинский тоже.

– А с новым грузинским кино вы знакомы?

– Немного. Я совсем не являюсь специалистом по нему. Смотрю его постольку, поскольку грузинские фильмы участвуют в каких-то мировых смотрах или попадают на российские экраны, что бывает довольно редко, к сожалению.

– И все же, можете назвать несколько имен?

– Например, Леван Когуашвили и его «Слепые свидания». Конечно, это замечательное кино. Я был под сильнейшим впечатлением от фильма «Начало» Дэи Кулумбегашвили, который взял сразу несколько наград на Сан-Себастьянском кинофестивале. Меня это совершенно не удивляет, потому что явление этого фильма для меня сродни фильму Андрея Звягинцева «Возвращение» – в свое время. Метафорическое, очень мощное визуальное кино, рассказывающее вечную драматическую историю. Мне кажется, у Грузии эта связь с вечностью присутствует – за счет древней истории, за счет укорененности страны в ландшафте.

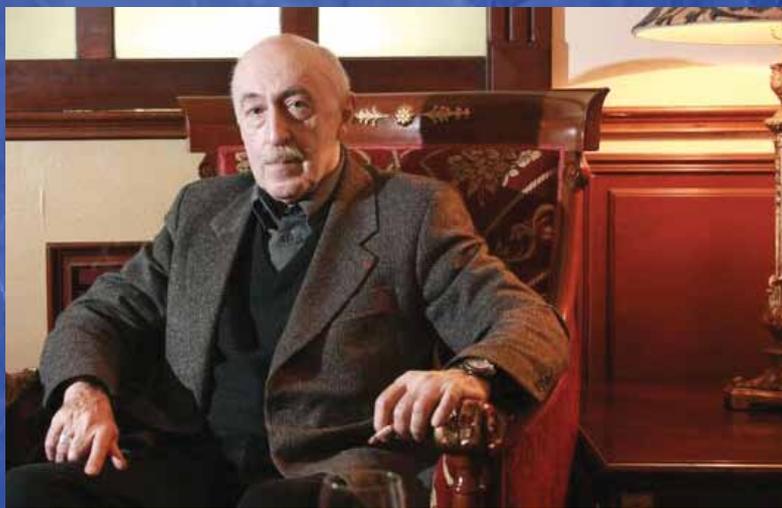
– В ландшафте? Поясните.

– Мы видим это даже в Тбилиси, самом большом городе страны. Понятное дело, город Москва устроен так, что никакого ландшафта там нет в принципе, он спрятан под городом. Нет на самом деле ни воды, ни горы, ни травы – это все не настоящее. А здесь, конечно же, есть. Это город, в

границе которого находится гора, водопад. Понятно, что мышление людей, которые здесь живут, устроено совершенно по-иному. Ну и, возвращаясь к новому кино, я назову, наверное, фильм своего товарища Резо Гигинеишвили «Заложники». Конечно, другие его фильмы плохо становятся в этот ряд. Но «Заложники» – замечательная картина. Это грузинский фильм, сделанный очень талантливо, энергично и очень актуально. И все более актуальнее, я бы сказал, по отношению к тем временам, которые мы сейчас проживаем.

– Антон, во многих странах, в том числе в Грузии, кинопроизводству выделяется очень мало финансов. Особенно это чувствуется, когда страна находится в трудном социально-экономическом и политическом состоянии, не говоря уже о войне. Как вы думаете, вопреки всему, режиссерам надо стремиться снимать фильмы, даже малобюджетные, искать партнеров для копродукции и всеми силами делать кино?

– Я считаю, что это «надо» – оно в случае с искусством, а кино – это все-таки вид искусства, – определяется только вну-

Отар Иоселиани

тренней потребностью, нуждой, а никак не внешними обстоятельствами. Например, войной или количеством денег для того, чтобы создать бюджет фильма. Поэтому логичнее этот вопрос задать режиссерам – юным, старым, начинающим, опытным. Спросить, нужно ли им это. Я лично знаю режиссеров, не буду называть имена, которые говорят, что они сейчас находятся в полной оторопи и не в состоянии ничего придумать и снять. Знаю и тех, кого экстремальные ситуации вдохновляют на новые замыслы. И та, и другая реакция совершенно нормальны. И та, и другая реакция напрямую зависят не только от творческого темперамента, но и от того, как ты проживаешь данный период. Кто-то проживает его, как наблюдатель, кто-то, как жертва, кто-то, как соучастник преступления. По-разному. Если твоя семья, допустим, под бомбежкой, вряд ли ты будешь думать о фильме. Хотя я и такого не исключаю. И такое может быть. А что касается денег... Вы же понимаете, что война – это такого рода катаклизм, когда искусство точно оказывается среди социальных трат, отодвинутых очень далеко в сторону, на второй план. Сейчас просто не до того. Государству не до того. Людям – всегда до того, по тем или иным причинам. И тем, кто делает искусство, и тем, кто его потребляет. Потому что в искусстве находят утешение. Потому что это способ рефлексии на происходящее. Потому что для кого-то это их работа. Поэтому искусство не останавливается, не замирает. А финансирование искусства, конечно же, останавливается и сокращается.

– Минкульты (у нас в Грузии тоже) выделяют финан-

сирование на производство патриотических фильмов, на экранизации национальной литературы, объявляют конкурсы на создание фильмов про царей, полководцев, исторических личностей. Всем понятно, что картины будут сделаны по заказу, а сценарии – сильно заточиваться под позицию заказчика. Как вы смотрите на создание таких фильмов?

– Я смотрю на это, как на неизбежность. Есть страны, развитые в отношении кино, очень богатые, успешные, вроде Франции. Там чиновникам не приходит в голову продвигать какие-то государственнические идеи через кинематограф – деньги вкладываются в кино просто, чтобы у страны было кино. Французы понимают, что хорошее кино больше поможет патриотизму, чем патриотическое, но плохое кино.

– Это абсолютно другое мышление.

– Да, именно. Грузия же, надеюсь, я никого не обижу этим замечанием, тоже во многих отношениях является наследником Советского Союза. Во всех странах, которые были частью Советского Союза (даже в тех, которые входили в СССР недолго, например, странах Балтии), чиновники, часто этого не осознавая, считают, что искусство, в особенности то искусство, за которое платит государство, должно что-то пропагандировать. Они не понимают, что подобного рода задания, да и вообще задания, обедняют искусство и фактически гарантируют слабый художественный результат. А значит, каким бы жаром патриотизма ни пылал сам фильм, вряд ли этот жар за-

тронет, согреет или зажжет зрителей. С другой стороны, бывают ситуации, когда подобного рода патриотизм просто внедрен в национальную ДНК, и не нужно дополнительного финансирования или государственной программы, чтобы его разбудить. В фильме «Топ Ган» с Томом Крузом, который просто порвал бокс-офис в этом году, министерство обороны США, насколько мне известно, деньги не вкладывало. И министерство пропаганды тоже, которого в Америке, впрочем, не существует. Просто авторы хотели снять картину о величии американского оружия. И сняли. Это не первый и не последний фильм про величие американского оружия. А хорошо это или плохо, я затрудняюсь сказать. Главное, что люди смотрят, потому что это сделано искренне.

– Антон, сейчас все творческие люди очень тяжело переживают происходящее в мире – они в шоке, стагнации, замешательстве, не знают, что делать, не понимают, нужно ли творить, нужно ли это вообще кому-то сейчас? Как вы сами проходите этот непростой период? Или что бы вы им посоветовали?

– Моя персональная уловка – не считать, что я занимаюсь искусством. Я его анализирую и о нем рассказываю, но я его не произвожу. То есть, я не считаю свои книги, или статьи, или тем более лекции произведениями искусства. Я выполняю, по большому счету, работу журналиста. Кинокритик – это журналист. Работа журналиста нужна всегда, и в особенности она нужна во времена войны. Журналист – это

Кадр из фильма «Покаяние»

человек, который сообщает людям информацию, если сказать совсем коротко. Информация о новых фильмах и том, что они вам могут дать, это тоже информация. Конечно, она сейчас не столь насущна, как сводки с фронтов. Но тем не менее информация, если она правдива, не может быть лишней. И не может быть совсем не востребована. Востребованность я вижу по реакциям на то, что делаю: от лекций, встреч вживую, того, что я делаю для Youtube, статей, которые пишу для «Медузы» и которые читают очень много людей, и до книг, которые читают гораздо меньше людей. Поэтому я – вряд ли хороший пример. Для меня то, чем я занимаюсь, – работа. А работа – это то, что несомненно спасает в моменты кризиса, фокусирует, концентрирует сознание, отвлекает от мыслей о катастрофе и просто бодрит, потому что огромное количество людей сегодня осталось без работы. Я не остался без работы. В такой ситуации чувствуешь, что ты в лучшем положении, чем очень многие твои друзья, люди твоего круга. И ты не вправе пренебрегать этим лучшим положением и махать на него рукой. Вот как я на это смотрю.

– Очень многие люди в последнее время, к сожалению, не могут сконцентрироваться ни на чтении книг, ни на просмотре кино.

– Да, у меня тоже была эта проблема, и очень остро. Я первые пару месяцев почти ничего не мог смотреть и почти ничего не мог читать.

Кадр из фильма «Слепые свидания»

Антон Долин с супругой и Квентином Тарантино

– Очень страшно, но, наверное, человек ко всему привыкает...

– Конечно. Но для меня это еще и мой персональный код. Я создан из книг. Знаете, одна женщина, которая явно меня ненавидит, написала как-то в Фейсбуке, что я – «мальчик, выросший в книжном шкафу». Очень точное определение, так и есть. Но я предпочитаю смотреть на это, как на преимущество, а не как на слабость. Книжный шкаф – это же своего рода убежище. Психологически уж точно. Вот поэтому, конечно, я все равно продолжаю читать, смотреть фильмы, ходить на выставки, бесконечно слушаю музыку. Из всех видов искусств музыка лучше всего спасает психику. Мою. Конечно, искусство не может спасти нас от войны. Нас – как общество, как народ. Но конкретно каждого человека утешить может.

– Вы изучаете людей через призму кино. А можете, к примеру, составить о человеке впечатление по его любимому фильму?

– Зависит и от фильма, и от человека. В каких-то ситуациях да, в каких-то нет. Понимаете, убийца Джона Леннона, как мы знаем, любил «Над пропастью во ржи». Говорит ли это что-то о Сэлинджере или об убийце? Думаю, нет. Здесь нет никакой прямой связи. Но если ты с человеком дружишь или долго общаешься, и хочешь узнать о нем больше, то, несомненно, сведения о любимых фильмах или книгах могут в этом помочь. Это точно. Но вопрос еще в том,

что человек из всего этого извлекает. Я очень люблю Вагнера и «Кольцо нибелунга», потому что это гениальное исследование феномена власти и губительности любой власти. Но как же быть с тем, что один из худших злодеев XX века и властолюбец Адольф Гитлер тоже любил «Кольцо нибелунга»? Какой вывод из этого можно сделать? Только один: гениальное искусство может быть прочитано и интерпретировано тысячами разных способов. И эти способы могут совершенно противоречить друг другу.

– Если вернуться к грузинской культуре и истории – есть ли какие-то яркие персонажи, которых бы вы хотели увидеть на киноэкране?

– Было круто, если бы в Грузии сняли, например, большую современную, высокобюджетную экранизацию «Витязя в тигровой шкуре». Это был бы настоящий патриотический проект.

– У нас пока издан графический роман.

– Это напрашивается. Весь Шекспир, Гомер, Данте пересказаны в виде графических романов давным-давно.

– Кстати, недавно в США прошла премьера анимационной картины по мотивам поэмы Шота Руставели. Значит, вам было бы интересно посмотреть этот фильм?

– Мне – да.

– Вам не кажется, что экранизации национальных эпиче-

ских произведений, которые являются буквально достоянием народа, зачастую обречены на провал?

– Абсолютно нет. Зависит от того, как и кто сделает. Это не обречено на провал, а просто сложно. Но не значит, что неосуществимо. Американцы смогли снять несколько вполне достойных экранизаций «Моби Дика». Для американцев «Моби Дик» – то же самое, что «Витязь в тигровой шкуре» для Грузии. Вайда сделал в Польше «Пана Тадеуша» и справился с этим замечательно. «Пан Тадеуш» для поляков – это то, что «Евгений Онегин» для русских. В Италии есть очень хороший фильм, с которого начался итальянский кинематограф. Это первый полнометражный фильм, называется «Ад» – по «Аду» Данте. Немое кино, очень эффектное, красивое и классное. Я не уверен, что во Франции есть экранизации «Песни о Роланде». Если и есть, я не видел. Зато в Германии существует великий фильм Фрица Ланга «Нибелунги», общепризнанный шедевр немецкого кино. В России до сих пор нет фильма «Евгений Онегин», единственная экранизация снята англичанами. Но есть совершенно выдающийся фильм Бондарчука «Война и мир». Не экранизировано «Слово о полку Игореве», но оно превращено в оперу Бородин «Князь Игорь». В каком-то смысле решена еще более сложная задача. Мне кажется, это удача.

– Вы никогда не думали сами снять фильм?

– Меня очень часто об этом спрашивают. Но мне кажется, это механическое сближение – раз человек любит кино, занимается им и пишет о нем, то он обязательно может сам сделать кино. Много ли вы читали выдающихся романов, написанных литературными критиками? Белинский остался в истории русской литературы не потому, что он написал роман, а потому что писал о чужих романах. Честно говоря, судьба репутации Белинского представляется мне не менее завидной, чем судьба репутации Гоголя, Гончарова или Тургенева. Пусть я буду Белинским от кинематографа или от кинокритики, а не Тургеневым.

«Я – ИЛЬЯ!»

185 лет назад родился Илья Чавчавадзе, великий писатель и общественный деятель, канонизированный Грузинской Православной Церковью как Святой Илья Праведный.

Произведения Ильи Чавчавадзе, его жизнь и судьба не раз находили свое воплощение на экране и сцене. Одной из самых выдающихся постановок, посвященных «Отцу Отечества», стал спектакль Темура Чхеидзе «Я – Илья!», вошедший в «золотой фонд» театрального искусства.

Сегодня мы предлагаем нашим читателям уникальный материал – воспоминания Темура Нодаровича, которыми он в свое время поделился на творческой встрече в Доме актера в Санкт-Петербурге в рамках одного из самых успешных проектов «Русского клуба» – Международного форума «Дни Ильи Чавчавадзе в Санкт-Петербурге».

«Молва гласит, что «Я – Илья!» – это последняя реплика живого Ильи Чавчавадзе. Ведь история такова (она хорошо известна грузинам, особенно старшему поколению): Илью убили, был суд, и тогда, в царское время, главных виновников так и не нашли. У нас в театральном институте преподавал режиссер Александр Микеладзе. Он никогда себе ничего не приписывал, наоборот, всегда преуменьшал то, что сделал в жизни. Он был репрессирован в 1937 году, сидел в лагерях. Когда вернулся в Грузию, у него не было разрешения жить в Тбилиси. Его поселили в Телави, и он там ставил спектакли. Как-то раз,

получив зарплату, он отправился на рынок и купил мясо, которое ему завернули в какие-то бумаги. Пришел домой, развернул и посмотрелся к бумагам. И вдруг понял, что это протоколы допросов по делу об убийстве Чавчавадзе. Он побежал обратно на рынок и взял у мясника оставшиеся бумаги. И если мы что-то знаем о процессе 1908 года, – это благодаря тому, что Саша Микеладзе купил мясо на базаре в Телави. Потому что все упорно уничтожалось, никаких следов не должно было остаться – ведь все следы вели к социал-демократам. На последнем обращении грузинской общественности к Николаю

Второму есть его резолюция, датированная 1904 годом: «Рассмотрите кандидатуру будущего президента Грузии». Потом – события 1905 года. Другой кандидатуры, кроме Ильи, просто не было. Поэтому социал-демократам надо было его убрать, иначе... Но когда мы ставили спектакль «Я – Илья!», об этом нельзя было говорить так громко и свободно, как я сейчас вам говорю. Бывшие социал-демократы как раз и стояли у власти. Приблизился юбилей Чавчавадзе, 150-летие, и нас – руководителей театров, издателей – собрал Шеварднадзе. Помню, как один из знаменитых ученых Грузии встал и сказал: «Неужели еще не наступило время, чтобы открыто сказать, что Илью убили социал-демократы?» Замерли все. Шеварднадзе должен был подытожить встречу. И он сказал, как всегда, очень спокойно, что юбилей Чавчавадзе очень важен, его надо провести достойно, а вот относительно того, что его убили социал-демократы, то... (никогда не забуду – стояла гробовая тишина). «То, к сожалению, это правда», – произнес Шеварднадзе. И добавил: «Только в течение года пока воздержитесь». Мы были поражены: значит, можно! Молодым не понять того, что я сейчас говорю. Так вот, протоколы допросов, которые сохранились, мы использовали, не меняя ни одного слова. Но самое уникальное – чисто по технике театра – что осталось в памяти: как Отар Мегвинетухцеси читал заключение врача, который провел вскрытие после убийства. Ни одного слова не прибавлял – только сухой текст. Состояние сердца Ильи было таково, что он мог прожить еще максимум пару месяцев. То есть, напрасно его убили. Дали бы дожить... В общем, более сухого и антилитературного текста, чем тот, что читал Отар, быть не может. И тогда я убедился, что на сцене все решает состояние артиста. Отар внешне совершенно ничего не делал. Он как будто кому-то диктовал то, что надо записать, а думал о другом. Он думал – а что с нами будет? Неужели мы все так прокляты, что убиваем Илью? Это надо было видеть! Не описать словами. Простите, что так говорю про свой спектакль... А вы сейчас должны мне сказать: «Нет, нет, ну что вы!»...

МАЛИНОВЫЙ ЗВОН

Православные колокола. Фото: Dimitris Vetsikas

■ Кетеван МГЕБРИШВИЛИ

В начале этого года хударк Национального симфонического оркестра Грузии, дирижер и композитор Николоз Рачвели опубликовал на своей страничке в социальных сетях сообщение о кончине известного грузинского композитора Нодара Мамисашвили: «Незаурядная личность, великий музыкант, мыслитель, ученый и композитор, что самое главное, великий педагог, такой, каким для режиссеров был Миша Туманишвили... Вот такой человек ушел от нас. Несмотря на то, что он не был оценен по достоинству широкой общественностью, никогда ни на кого не держал обиду, самоотверженно служил музыке и людям, особенно – будущим поколениям. Я счастлив, что нашему оркестру удалось посвятить его творчеству фестиваль «Контрапункт», счастлив, что был знаком с ним, посещал его лекции и обогащался общением с ним в студенческие годы. Да упо-

койт Господь его душу в селениях праведных».

Прочитав эти строки, я вспомнила, как несколько лет назад мы с Нодаром готовили статью об истории создания колоколов собора Святой Троицы на горе Элиа, автором дизайна которых был он. В доме №20 на проспекте Казбеги, в его кабинете, от пола до потолка заставленном книгами, мы подолгу работали над материалом. Мне понадобилось несколько визитов, чтобы подготовить статью, обработать текст, отвезти ему на визирование. Правки он вносил сам.

Нодар Леванович был очень легким в общении, совершенно лишенным высокомерия, иногда характерного для людей с многочисленными регалиями. А гордиться ему было чем: признанный ученый, академик Национальной академии наук Грузии, профессор Тбилисской государственной консерватории, заслу-

женный деятель искусств Грузии, лектор Духовной академии. Он создал сочинения для симфонического и камерного оркестров, инструментальные концерты, написал множество камерных произведений. Тесно сотрудничал с режиссером Мерабом Кокочашвили, написал музыку для двух его нашумевших фильмов – «Большая зеленая долина» и «Три дня жаркого лета». Мамисашвили – автор многих научных работ, в их числе – «Асистрия – или гармония жизни», «Холофония», «Теория звукового поля». В своей автобиографии он написал, что инженерия – его хобби, но мне кажется, что техника была для него чем-то большим, нежели просто увлечением, ведь он изобрел ряд совсем не музыкальных приборов: ромофонический аппарат, термостимулятор, анодно-катодное зарядное устройство...

Публикацией беседы с ним нам хочется отдать дань благо-

Нодар Мамисашвили

этому я не согласен с мнением, будто в России потому отливают очень большие колокола, что любят все грандиозное и монументальное. Здесь дело не в любви ко всему большому, а в особом отношении к Господу, и я очень уважаю такое отношение к вере.

У каждого из этих огромных колоколов были свои имена, скажем Лебедь-колокол, который по замыслу литейщиков должен был «петь» как лебедь, или знаменитый Царь-колокол. Мы не должны относиться к его размеру слишком примитивно, мол, это просто очень большой колокол и все. Нужно знать, что мастера, отлившие его, были людьми духовными и вкладывали в свою работу всю душу. Само название «Царь-колокол» – особое, сакральное. Ведь в России царь – помазанник Божий, и звук этого колокола должен был разливаться по необъятным степям страны, поэтому отливался он согласно концепции, которую можно назвать «природой степи». Русские колокола – православные, и во время звона купол колокола неподвижен и качается только язык. Колокольня состоит из одного большого колокола и нескольких малых, поэтому при звоне между колоколами остается акустическая пустота.

Для сравнения: в отличие от православных, у католиков купола колоколов качаются, и их звук разливается то вправо, то влево, поэтому акустических пустот не остается. Для того, чтобы скомпенсировать эту пустоту, российские звонари ввели великолепное новшество, которое я бы назвал «духовным изо-

бретением»: они создали особое звучание, один из самых распространенных в настоящее время видов церковного колокольного звона – трезвон. Он дает нам возможность ощутить всю полноту звучания. Надеюсь, этот маленький рассказ поможет читателю лучше понять, что в звоне колоколов звучит самобытность культуры нации. Грузинский церковный колокол является ярким примером этой самобытности.

– В чем различие между русскими и грузинскими колоколами?

– Почти в каждой стране есть свои традиции изготовления колоколов. В этом отношении русские и грузинские колокола имеют принципиальные различия. Начинаются они с процесса отливки. Наверное, многим будет трудно представить, что в древности в Грузии колокол называли амбаром, т.е. именем места, где хранился весь урожай. Это название употреблялось неспроста – в яму, куда должны были заливать жидкую массу для получения формы колокола, сначала бросали зерна пшеницы. Для того, чтобы колокол приносил людям счастье, изобилие и всяческие блага. Как видим, зернам пшеницы у нас издревле придавали особое значение. Еще один интересный нюанс – перед тем как залить в форму жидкую массу бронзы, ее перемешивали ветвью пихты. Это тоже был своеобразный ритуал, ведь пихта – вечнозеленое дерево и, подобно ему, грузинский колокол должен был звонить вечно. Символом вечности в Грузии служила пих-

дарной памяти этому замечательному человеку, которому через месяц, 15 декабря, могло бы исполниться 92 года.

– Уже много лет я исследую акустику церквей, принципы отливки колоколов разных стран Европы и Азии. Могу рассказать вам о некоторых интересных нюансах отливки русских колоколов. Во время работы литейщики проводили особый ритуал – специально придумывали легенду (это был особый текст, подобно молитве) и произносили ее в процессе отливки, чтобы колокол «услышал» обращение своего мастера и «выдал» наилучшее звучание. Делалось это для того, чтобы звук колокола распространялся как можно дальше, чтобы привлечь больше прихожан в церковь. Мастера прилагали все свои усилия, дабы звучание колоколов было настолько мощным, чтобы звук доносился до Всевышнего. По-

Нодар Мамисашвили на концерте

та, в других странах – ель, сосна и другие деревья. Третья особенность изготовления наших колоколов – особое отношение грузинских мастеров к минералам.

– Вы хотите сказать, что в жидкую бронзу подмешивали камни?!

– Да, именно это я имею в виду. Наши предки считали, что минералы являются носителями гармонии солнца, луны и звезд. Поэтому в жидкий сплав добавляли частички минералов. Перед тем как перечислить эти минералы, хочу сделать маленькое лирическое отступление. На Лухумском прииске раньше добывали мышьяк, в древности его использовали в производстве стали. Минералы мышьяка имеют не только разные химические вариации, но и контрастные информационные свойства. Например, если современной аппаратурой измерить энергетику антимонитов, окажется, что эти минералы пробуждают в человеке агрессию. Наши мастера об этом знали и применяли антимониты в изготовлении сабель и кинжалов. Никто ведь не использует холодное оружие, чтобы погладить противника по голове, верно? Привел я этот пример для того, чтобы отметить, что на том же самом Лухумском прииске добывали и другие минералы, которые использовали при отливке церковных колоколов, подчеркиваю, именно церковных колоколов, потому что в древности в Грузии существовали еще и колокола изобилия.

Итак, первый минерал, кото-

рый подмешивали в сплав, – арсенопирит. Своими свойствами он схож с серебром, т.е. является носителем энергетики луны и благородства, в отличие от энергетики антимонитов. Второй минерал – реальгар, камень очень красивого, красновато-фиолетового цвета. Он является символом зарева. Третий компонент – аурипигмент, камень необычайной красоты, как видно из самого его названия – это символ восхода солнца.

Технологический процесс отливки колоколов состоял из нескольких этапов: сначала олово обогащалось арсенопиритом, затем реальгаром, далее аурипигментом, после чего в сплав добавляли медь, которая является носителем энергетики солнца. Вот мы и получили полную гармонию. Конечно, здесь решающее значение имеют пропорции, но это уже мой секрет. Кроме того, важное значение имеет язык колокола. Наши соотечественники отливали его из самого мягкого сплава железа. Делалось это потому, что, когда язык касается стенки колокола, место удара очень раскаляется, и язык, отлитый из другого металла, может разбиться или на стенке колокола появятся трещины.

Сформулировав акустические принципы звучания колоколов, я обнаружил, что во время звона грузинский колокол должен был перекликаться с куполом церкви, т.е. как бы малый купол зовет большой. Работая над эскизами колоколов, я уделял большое внимание их форме. Сделав подробные расчеты,

я установил форму колокола, затем специально пошел в Государственный музей Грузии, чтобы посмотреть древние колокола и сравнить их с моей работой. Один из колоколов был очень похож на тот, форму которого я установил. В музей я взял с собой камертон и ударил им в каждый из колоколов. Как оказалось, самое хорошее звучание было у колокола, схожего с моим, это был древний грузинский церковный колокол. Я был несказанно рад, потому что нашел принцип отливки этих колоколов.

– Кажется, самый большой из колоколов весит больше восьми тонн?

– Да. Вес оказывает большое влияние на звучание колокола. Когда мы работали над колоколами собора Самеба, в Грузию приехали немецкие акустики. Состоялось совещание, на котором немцы, с учетом тяжелого экономического положения, в котором наша страна тогда находилась, предложили отлить колокол весом в 6 тонн. Я же настаивал, что он должен весить 8 тонн. Они удивились, зачем нам такой большой колокол, и, доказывая свою правоту, стали перечислять православные соборы, колокола которых были отлиты их компанией. У меня несколько своеобразная память, и я наизусть описал им, в каком храме какие колокола изготовила их компания, какой колокол где был расположен, сколько весил и т.д. Они были ошеломлены, что я помнил такие детали, о которых сами забыли, и им пришлось достать свои альбомы, чтобы сравнить мои данные со своими.

– Колокола были отлиты в Германии...

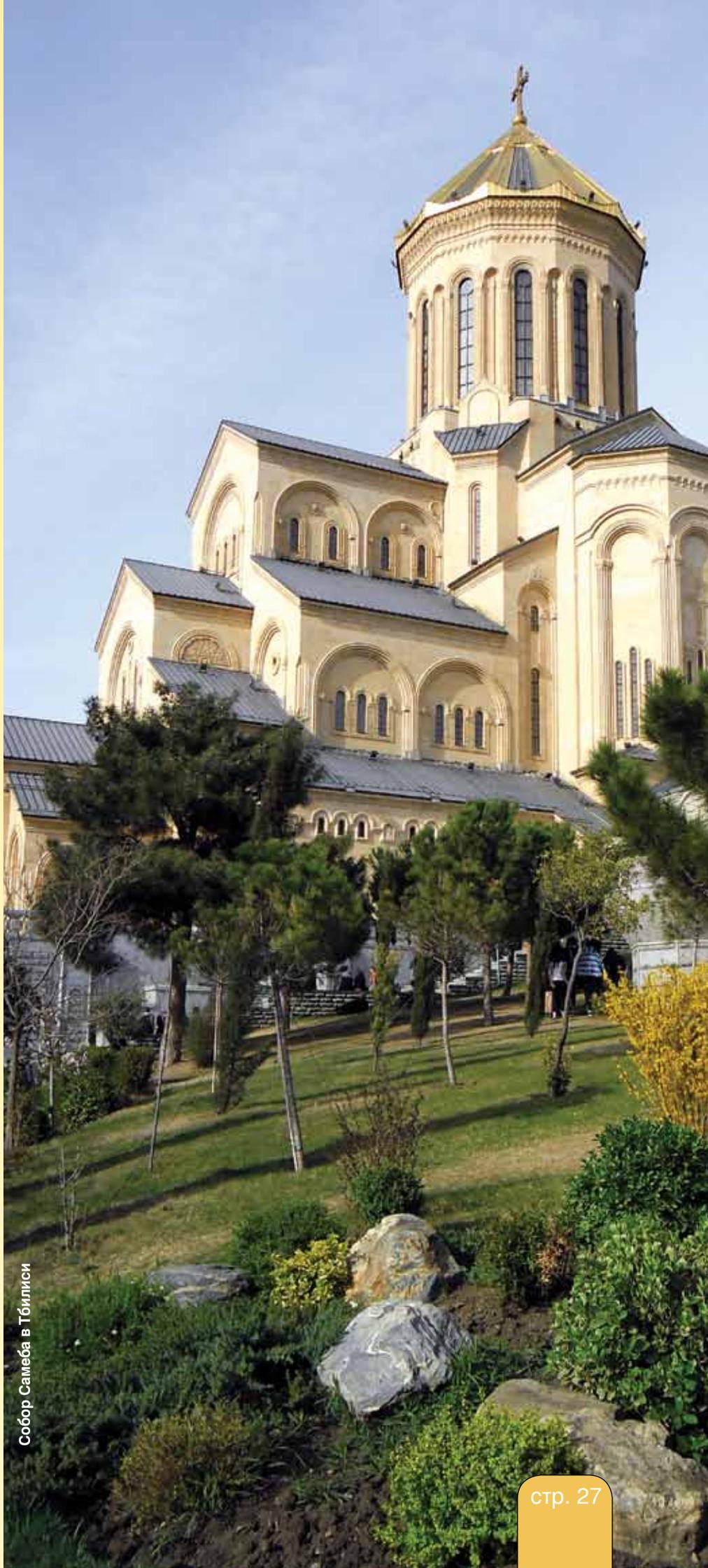
– Потому что у нас в стране нет ни возможностей, ни условий для отливки таких колоколов. Они были созданы в городе Хайльбронн, там огромный завод, который по масштабам равен одному району Тбилиси. Немецким партнерам я сказал: «Когда колокол будет готов, вы поймете, почему я настаивал именно на своих пропорциях». И действительно, у колокола было такое хорошее звучание, что каждый раз, когда администрации завода нужно было звать рабочих в цех, они

звонили в наш Дедо-колокол (Мать-колокол). Вы не поверите, но они так полюбили этот колокол, что плакали, когда мы повезли его в Грузию. Существует понятие «золотое сечение», а я ввел термин «золотой вес», который объединяет в себе все технические параметры, необходимые, чтобы колокол звучал надлежащим образом. Это своего рода акустический идеал.

– Почему колокольня состоит из девяти колоколов?

– Это неспроста. У любого народа есть свои традиции церковного песнопения. Для грузинского песнопения характерна система из девяти звуков, такова его акустическая природа. Эти звуки – как импульсы, точки, на которых строится грузинская гармония. На звучание каждого из колоколов можно прочесть любую молитву, и певчим во время пения не нужно менять тон, подстраиваться под звон колокола. Самый большой, восьмитонный колокол я называю Мать-колоколом, остальные, поменьше – Дети-колокола. А вот если бы в колокольне и ступени, как колокола, были изготовлены из бронзы, они отразили бы звуки колоколов, и мы получили бы особое звучание, так называемую высоту акустического возврата. Но эта моя идея не осуществилась, потому что она – очень дорогое удовольствие, которое мы сейчас не можем себе позволить. У каждого колокола – свое звучание, и во время конкретной молитвы (например, в 6, 9, 12 часов и т.д.) звонит один колокол. Информацию, которую я вам сейчас даю, вы не сможете вычитать в красочных книжках, потому что я сам пешком обошел святыни как в России, так и в Грузии, и собрал сведения от местных старожилов. Народ, который обращал такое большое внимание на свойства вибрации звуков, использовал свои знания и для отливки церковных колоколов. Это наша культура мышления. Для того, чтобы познать свое родное, надо знать и достижения других народов.

В статье использованы фотографии из фондов Национальной парламентской библиотеки Грузии, агентства Pixabay, а также автора.

К. Готро. Ранение Наполеона перед битвой у Регенсбурга. За крупом лошади – Рустам Раза

Те имена, что ты сберег

■ Владимир ГОЛОВИН

Придворные Наполеона I называли этого человека тенью императора. Правда, рост у «тени» был повыше, чем у Бонапарта, не знаменитая треуголка венчала голову, а восточный тюрбан, лицо со временем украсилось усами с бородой. И к острову Корсика – наполеоновскому месту рождения – этот человек не имел никакого отношения, представляясь, он подчеркивал: «Я армянин из Тифлиса». Звали его Рустам Раза. И был он стражем, камердинером, оруженосцем, говоря по-современному, личным телохранителем императора. Констан Вери, главный камердинер Бонапарта свидетельствовал: «Рустам стал необходимым сопровождающим лицом во всех случаях при появлении императора перед публикой. Он участвовал во всех путешествиях и свитах, а участие во всех сражениях приносило ему особую честь...»

Карабахский купец Рустам Унан, переехав в Тифлис, женился на тамошней армянке Буджи

Вари, и в их семье растут шестеро детей – две дочери и четыре сына. Самый младший, тезка отца Рустам появляется на свет в 1783-м, а через 2 года семья переезжает, как вспоминал он сам, «в Аперкан, маленький город в Армении, родной страны отца». Потом отец по торговым делам отправляется в Гянджу, прихватив сыновей, и собирается ехать дальше. Но 11-летний Рустам отказывается от поездки – он, что называется, домашний мальчик:

«...Я был так привязан к матери, что не мог расстаться с ней. И вот мой отец купил телегу для поездки. В тот же день за обедом он снова спросил нас, хотим ли мы ехать с ним. Старшие братья сказали «да», а я – «нет». Он поинтересовался, отчего я не хочу ехать с ним. Я ответил: «Мама всегда заботилась обо мне, любила меня, когда я был еще ребенком. Теперь, когда я подрос, хочу быть с ней рядом, чтобы самому заботиться о ней».

Рассерженный отец оставляет его одного в Гяндже, и мальчик отправляется в опасный по тем временам путь до Аперкана, к матери. С большими приклю-

чениями, благодаря помощи добрых людей, он добирается до цели. Но ... «Во всем городе я нашел только одного человека. Он поведал мне о том, что случилось. Всех жителей татары увели в плен, а дома ограбили. Этот человек сказал мне: «А твоя мать и сестры за два месяца до этого уехали в Шушинскую крепость».

И вот – последнее испытание перед встречей с матерью: «Между нашим Аперканом и Шушой была река, в сухое время года я не раз переходил ее вброд, но теперь река вздулась, и вода поднялась очень высоко. Однако тоска по матери и сестрам придала мне сил и смелости. Мгновение – и я в волнах реки. Течение сразу же прибило меня к высокой скале, за которую я ухватился и продержался так часа два. Лишь проезжавший мимо реки добрый всадник помог мне выбраться из воды и перейти на другой берег. Судьба еще раз оказалась благосклонной ко мне».

В армянском квартале Шуши ему передают слова матери: «Мой мальчик меня не забудет, рано или поздно он появится. У

Тифлис на рубеже XVIII-XIX вв.

моего Рустама доброе сердце, он меня сильно любит». Увидев сына, Буджи Вари падает в обморок, а придя в себя, вместе с дочерьми плачет, приговаривая: «Я не сомневалась, что ты вернешься, не покинешь меня, хоть ты еще мал и слушаешься отца. А он, видно, оставил нас навсегда...»

В Шушинской крепости они переживают нашествие персов. Рустам, по собственным словам, «взрослел и крепнул» и даже предложил матери отдать его в слуги в какой-нибудь дом — семья нуждалась, а договор о работе слугой заключался на семь лет. Но мать не согласилась: «Я продам все, что имею, но не позволю тебе стать слугой». Через месяц на некоторое время воцаряется мир, и мать с дочерьми и сыном возвращаются в Аперкан, как могут, восстанавливают дом. Потом умирает одна из сестер, а от отца, через год разлуки, приходит долгожданное письмо:

«Бедная мама в этот миг почувствовала себя самой счастливой женщиной на свете. Отец писал, что обосновался в городе Казахе, открыл там большой магазин и, если мы хотим, можем приехать к нему. Маме, конечно, очень хотелось этого, но я сказал: «Я бы на твоём месте не

предпринял такого долгого путешествия. Если бы отец и в самом деле любил тебя, хотел бы жить с тобой, он бы не покинул нас и не скитался бы так долго вдали от тебя. Наша поездка принесет нам много бед, дороги очень опасны, татары грабят проезжих и караваны. Одним словом, на душе у меня беспокойно». Матушка выслушала меня и сказала: «Если хочешь знать, я еду не к отцу, а к твоим братьям, по которым очень соскучилась».

И они отправляются в пеший (!) путь, не предполагая, что на этот раз везение изменит Рустаму, и он навсегда расстанется с матерью. Через два дня пути, во время остановки на отдых, он отправляется за продуктами. Его хитростью заманили в чей-то дом и сразу же продали — на крепких парней спрос был большой. Ему удается бежать, но появляется человек назвавшийся другом отца, потом — женщина, якобы захотевшая усыновить парня: «Однако я не верил ей и все повторял про себя: «Видимо, меня продали в третий раз». Как вскоре выяснилось, я не ошибался».

Потом ему остается только считать, сколько раз его перепродают:

«...Отворили дверь большого сарая, где находилось шестьде-

сят хорошо одетых мальчиков моего возраста. При первом же взгляде на них я подумал: «Меня продают в четвертый раз»... «Мы дошли до большого города у подножия Кавказских гор. В короткое время всех детей продали, остался я один. Вскоре исчез и негодяй «отчим», удачно продав и меня (это был уже пятый раз)»... «Меня вскоре продали в шестой раз на этот раз прибывшему из Константинополя торговцу детьми»... «В Константинополе мы прожили шесть месяцев. Однажды из Египта прибыл в город один из торговцев Сала-бея и купил меня. В моей бродячей жизни меня продали в седьмой и последний раз».

Так Рустам оказывается у Сала-бея — одного из 24-х беев, правящих Египтом, и встреча с ним становится настоящим сюрпризом: «Он задавал мне вопросы по-грузински, но я плохо говорил на этом языке, ведь я был ребенком, когда мы выехали из Грузии. Потом спросил, правда ли, что я родился в Грузии, в Тифлисе, я сказал «да». Я назвал имя своего отца, выяснилось, что Сала-бей хорошо знал его, потому что был грузином и часто бывал в Армении».

Египетский вельможа записывает 15-летнего парня в отряд

Рустам в молодости

мамлюков – воинов, набранных из юношей-рабов. Два месяца тот учится ездить верхом, бросать аркан, владеть холодным оружием. И сопровождает Салабея во время его хаджа в Мекку. Теперь он носит мусульманское имя «Иджахиа». Тем временем, войска генерала Наполеона Бонапарта занимают Каир. В боях с ними гибнет немало мамлюков. Но Сала-бей не спешит вступать в схватку, заявив, что у него мало сил для сражения, и отправляется за поддержкой к могущественному Ахмеду Аль-Джаззару.

Этого правителя Палестины и значительной части Сирии в 1775-1804 годах Рустам называет Чезар-пашой. У него резиденция в Сен-Жан д'Акре – нынешнем израильском городе Акко. Аль-Джаззар разгневан тем, что Сала-бей отступил без боя, но Восток, как известно, дело тонкое.

Он не показывает гнева, приглашает бея в гости, как полагается, подает ему кофе. А в чашке – яд... «Мы, мамлюки, были очень опечалены его смертью, – признавался Рустам. – Чезар-паша захотел всех нас взять к себе на службу, но никто из нас не согласился. Одни подались в родные края, другие вернулись в Мекку, а я вместе со своим слугой возвратился в Большой Каир». Вот, ведь, в каком почете сословье мамлюков – слуг собственных имеет!

По дороге в египетскую столицу Рустам меняет одежду на крестьянскую, продает коня,

оружие и покупает двух ослов, на которых въезжает со слугой в Каир. Город переполнен французскими солдатами, и боясь, что его разоблачат как мамлюка, парень целый месяц живет жизнью уличного бродяги. А когда деньги кончаются, он очень вовремя узнает, что есть свободное место в охране влиятельного шейха Эль-Бекри, который поддержал французов:

«Он любезно встретил меня, выслушал и даже сказал: «Я возьму тебя на службу, может статься, и в кавалерийский отряд включу, но прежде надо получить согласие главнокомандующего генерала Наполеона». Я поначалу испугался, что шейх выдаст меня французам, с нравами и привычками которых я не был знаком, хотя слуга мой со многими людьми общался и не раз рассказывал, что французы добрые люди и такие же, как и мы, христиане... И я успокоился».

Шейх отправляется к Наполеону, а Рустама оставляет ждать на ...женской половине дома. Наверное, уж, очень честным показался ему юный мамлюк, который потом вспоминал: «Так я впервые попал в гарем, где жили пять жен шейха. Они наперебой угощали меня шербетом и фелером, то есть пахлавой, но я стеснялся и не брал. На меня смотрело столько женщин, а я был в голубой крестьянской рубашке на голое тело. От обиды и унижения я не мог сдержать слез. Эти добрые женщины тоже заплакали вместе со мной, сочувствуя мне, и кто как мог стал утешать меня»

А шейх в это время расхваливает его Бонапарту: «Я за него ручаюсь, ему пятнадцать с половиной, но он опытный и умелый наездник, одно время служил у Сала-бея, которого в Сен-Жан д'Акре отравил Чезар-паша». И генерал объявляет, что не только положительно отнесется к Рустаму, но разрешит всем мамлюкам вернуться в столицу. Вернувшись к себе, Эль-Бекри заказывает для юноши форму мамлюка. Не остаются в стороне и дамы: «Тогда добрые женщины позвали меня в гарем, стали обнимать и поздравлять. И просили обращаться к ним, если я буду в чем-нибудь нуждаться. Они подарили мне прошитые золотыми нитками платки и кошелек».

Рустам месяца три живет в доме шейха. А тот собирает всех скрывающихся в городе мамлюков, их набирается 25 человек. Рустам – самый старший и опытный среди них, поэтому он становится главным над ними. Ему поручают вести уроки верховой езды. А обитательницы женской половины дома убеждают шейха отдать в жены мамлюку свою 12-летнюю дочь, с которой тот познакомился в гареме. «Все, в том числе и генерал Наполеон, знали о предстоящей женитьбе и одобряли ее».

Рустаму удается даже денег скопить. Деревенские старосты приносят шейху годовой налог и получают за это халаты и кашемировые пояса. Старший мамлюк лично раздает подарки и иногда получает в благодарность 300-400 франков. А еще он каждый день верхом сопровождает шейха в гости к французам. Эль-Бекри и Наполеон вместе обедали и за столом совещались по самым разным делам.

А потом шейх, желая понравиться Бонапарту, начинает... пить вино. Для мусульманина это – тяжкий грех, и, чтобы соотечественники не заметили этого, используется непрозрачный серебряный бокал. Дома Эль-Бекри разгуливается настолько, что ежедневно приказывает Рустаму приносить ему вина и водки, смешивает их и «в одиночестве напивается, как настоящий пропойца». А потом, впервые в жизни, попробовал и Рустам:

«Однажды Бонапарт пригласил шейха на обед, и я сопровождал его. Когда все сели за стол, я пошел в маленькую комнату, где находились мосье Эжен (Эжен де Богарне, пасынок Наполеона – В.Г.) и еще несколько офицеров. Мосье Эжен поднес мне большой стакан шампанского и сказал: «Пей, такой напиток бодрит, это дары Франции!» Я выпил, мне понравилось. Они заставили опорожнить и второй бокал. После обеда я сел на коня, чтобы вместе с двадцатью пятью мамлюками проводить Эль-Бекри домой. Нам надо было только пересечь площадь, но от шампанского в душе было такое приятное веселье, что я заставлял коня плясать и вставать на дыбы».

Статуэтки из серии, изображающей Рустама

Шейх понимает состояние мамлюка и вызывает его в небольшую комнатушку, в которой сам «каждую ночь так напивался, что не мог даже в гарем подняться». Вопрос задается без обиняков: «Сегодня у генерала ты пил вино?» В ответ: «Это было не вино, а дары Франции. Господин Эжен угостил меня, два бокала поднес». Шейх обзывает парня пьяницей, грозит ему поркой, но тот не теряет: «Если вы прикажете меня выпороть, я всем расскажу, как вы каждый день достаете вино и водку и по ночам напиваетесь. А если не накажете, обещаю никому ничего не говорить». На том и расходятся, но отношения их уже испорчены.

Старшим среди мамлюков назначается «неловкий новичок», которому, вдобавок, вместо Рустама обещана дочь шейха. Рустам лупит этого парня, дерзко разговаривает с шейхом, и становится ясно: в этом доме спокойной жизни ему уже не будет. И тут появляется переводчик Бонапарта, лейтенант созданной им сирийской роты Элиас Массад с заданием генерала: отобрать двух слуг-мамлюков. Выполнив это поручение, пере-

водчик обещает и Рустаму устроить его при Наполеоне. Тот только и ждет этого.

Долго ждать не приходится. Увидев Наполеона, один из приведенных к нему мамлюков расплакался от страха. Генерал в недоумении: «Я не хочу, чтобы мне служили вопреки своей воле. Зачем вы привели этого плаксивого ребенка? Верните его шейху и подберите такого, который сам бы захотел стать моим мамлюком». Массад тут же пользуется моментом и предлагает «того толстенького мамлюка, который лично сопровождает Эль-Бекри», подчеркнул: «Я знаю парня, родом он из Грузии и прекрасный воин».

В тот же день переводчик с письмом консула является к шейху, успевает шепнуть Рустаму: «Поздравляю, я пришел за тобой». И тот разыгрывает комедию: «Все произошло так, как я и ожидал. Когда шейх прочитал письмо Бонапарта, он вызвал меня... Я начал отнекиваться: «Я к французам не пойду, я хочу служить вам до конца жизни». Эль-Бекри стал уговаривать меня... Излишне говорить, как я был в душе счастлив, что могу покинуть этот дом, где мною пренебрегли... Но на всякий случай

я снова повторил, что служить у французов не хочу».

В итоге, после по-восточному пышных заверений в верности («Я всегда был счастлив под этим кровом, но ухожу, чтобы не обидеть вас. Обещайте, что в будущем возьмете меня обратно») Рустам целует шейху руку и навсегда расстается с ним. Мамлюки, которым он покровительствовал, горько плачут. Он седлает коня... Так у главнокомандующего Бонапарта появляется новый слуга.

Начинается его служба с распоряжения генерала называть юношу исконным именем Рустам, а не турецким Иджахиа. Затем Наполеон дарит мамлюку «дамасскую саблю, рукоятка которой была в шести крупных бриллиантах, пару пистолетов в золоченых футлярах». И приказывает адъютанту достать хорошего арабского скакуна с удобным седлом. Отныне в поездках место Рустама – возле двери коляски Бонапарта. По ночам он спит у дверей генеральской спальни, а по утрам участвует в утреннем туалете Наполеона.

Вскоре они отправляются во Францию. По дороге Рустам отличается в схватке с отрядом

Рустам Раза

арабов, и Наполеон награждает его «саблей почета». Но на корабле мамлюк волнуется – шутники из свиты Бонапарта пугают его: во Франции ему отрубят голову, потому, что так поступали мамлюки с пленными французами. Генерал успокаивает слугу: «Глупости они болтают. Не бойся, мы скоро будем в Париже, и ты увидишь, сколько там роскоши и красивых женщин! Мы все почувствуем себя гораздо счастливее, чем в Египте».

Повидав по пути родной остров генерала Корсику, избежав сражения с английской эскадрой, свита прибывает во французский порт Фрежюс и направляется в Париж. Наполеоновский штабист Луи-Александр Бертье на время поездки одалживает у Рустама саблю. А сам генерал отговаривает заряжать перед выездом пистолеты: «Зря теряешь время, это тебе не Аравия, здесь безопасно». С приближенными Бонапарт отправляется в столицу, а Рустам – «только после них, ночью, вместе с обслуживающим персоналом, везя генеральское имущество».

И когда на повозки ночью нападают около тридцати разбойников, Рустам оказывается безоружным. Грабители основательно «обчищают» наполеоновскую челядь, и мамлюк на собственном опыте убеждается: на дорогах «цивилизованной» Европы ничуть не безопаснее, чем на караванных путях «дикого» Востока. Одного из грабителей

лей он потом опознает на улице Экс-ан-Прованса и часть наполеоновского имущества удается вернуть.

В Париже Бонапарт представляет его своей жене Жозефине: «Я очень понравился мадам, и она в тот же вечер взяла меня в своей карете в итальянскую оперу, распорядилась, чтоб для меня приготовили у них в доме уютную комнату, мягкую постель. А когда однажды я четыре дня лежал больной с высокой температурой, она каждый день приходила в мою комнату, спрашивала, как я себя чувствую и уговаривала потеплее укрываться. А о другом мамлюке, приехавшем со мной, она и не вспоминала. И только после того, как я выздоровел, для нас обоих заказали новую нарядную одежду».

Потом Бонапарт переселяется в Люксембургский дворец и в июле 1802 года принимает титул пожизненного Первого консула Франции. Своего мамлюка он опекает, как может. Добивается, чтобы ему вернули коня и саблю, «позаимствованные придворными, подбирает невесту, лично следит за его лечением, делится своими выигрышами в карты, помогает обучиться «тайнам охотничьего искусства». А, став императором Франции, вдруг интересуется, какой оклад у его слуги.

«Ты уже разбогател? Много денег скопил? – Все то время, что я служу у вас, я чувствую себя богатым человеком. – Если понадобится, можешь дать мне в долг? – Сир, у меня в карма-

не всего двенадцать луидоров. Я готов предложить вам все. – Как так, у тебя больше ничего нет? – Нет, сир. – Назови свое жалованье. – Сир, я ничего не требую, поэтому мне не платят». Узнав, что на третьем году службы Рустам не получает ни гроша, разгневанный император включает его в список своих камердинеров с солидным ежемесячным окладом.

Через семь лет после отъезда из Египта императорский мамлюк женится на дочери первого дворецкого императрицы Жозефины. Договоренность достигнута в 1805 году, перед первым австрийским походом Наполеона. И вернувшись после триумфа под Аустерлицем, император разрешает свадьбу. Однако нотариус и архиепископ не дают согласия, заявляя, мамлюк – не христианин:

«Я долго объяснял им, что родился в Грузии и что в Грузии все христиане. Я вынужден был вновь обратиться к Наполеону, который дал мне два рекомендательных письма, одно – главному нотариусу, другое – на имя парижского архиепископа. И только после этого, то есть спустя месяц после нашего возвращения, я смог наконец жениться. Император был так великодушен, что подписал наш брачный контракт и взял на себя все расходы».

Рустам был рядом с Наполеоном во время двух австрийских, двух итальянских, прусского, польского, испанского, московского, дрезденского походов и всех поездок по Франции. Когда

Дж. Крукшенк. Карикатура на Наполеона и мамлюка Рустама

В. Мазуровский. Пожар Москвы, сентябрь 1812 г. Перед Наполеоном едет Рустам Раза

в Нидерландах у него поднялась температура, Бонапарт отправил его в Париж в своей дворовой карете. Не раз оба вместе смотрели в глаза смерти. Вот лишь два примера.

После того, как австрийцы обстреляли Бонапарта, ориентируясь на белый тюрбан Рустама, мамлюк стал носить тюрбан только из темного шелка. На горном перевале Мон-Сени, соединяющем Францию с Италией, Рустам почти нес замерзающего Наполеона на руках сквозь пургу, а потом смастерил для него носилки из оказавшихся под рукой досок...

Во время подписания в 1807 году знаменитого Тильзитского договора о мире между Францией и Россией, мамлюк в центре внимания коронованных особ. Жена прусского императора Луиза заявляет, что ее прическа сделана, «как у Руста». А Бонапарт, видя, как пристально Александр I рассматривает его слугу, заявляет: «Рустам был вашим подданным. Он родился в Грузии, и поскольку нынче Грузия под вашим владычеством, значит, он ваш подданный». После этого царь, глядя на Рустама, всегда улыбался.

А по Москве ходит такая история. Когда французы заняли Москву, армяне, жившие в окрестностях Маросейки, попросили Рустама, чтобы их дома не сжигали, и просьба была выполнена.

Что ж, история красивая, но не более. Москву ведь подожгли не французы, а сами русские. По приказу генерал-губернатора Федора Ростопчина, вывезшего из города все средства пожаротушения.

Когда удача изменяет Наполеону, мамлюк, 14 лет не отходивший от него, не едет с ним в ссылку на остров Эльбу. Дело в том, что император был на грани самоубийства, и Рустама предупредили: если это произойдет, вину могут возложить на телохранителя. «От подобной перспективы я совсем отчаялся и решил бежать. На всякий случай я оставил Его величеству письмо. Я написал, что вынужден покинуть его, но готов вернуться по первому же его зову. К сожалению, тот, кого я попросил вручить мое письмо Бонапарту, не сделал этого...»

Наполеон разгневан, возвратившись на 100 дней с Эльбы, он наотрез отказывается от услуг Рустама. Когда же его прах привозят с острова Святой Елены в Париж, Рустам сопровождает гроб, в последний раз надев свой наряд мамлюка. Потом в крупных городах начинают жестоко преследовать всех мамлюков, привезенных Бонапартом из Египта. Рустам скрывался четыре месяца в городе Труа, пока его семья не умолила министра полиции разрешить ему вернуться в Париж.

Могила мамлюка Рустама

Потом он переезжает в родной город жены Дурдан.

Там он доживает свои дни, не имея ни работы, ни пенсии. Иногда ему предлагают выступить в цирке или продать одежды мамлюка. Не надо объяснять, что он отвечал на это... На старом кладбище Дурдана сохранилось скромное надгробие. На нем высечено: «Здесь покоится прах Рустама Раза – бывшего мамлюка императора Наполеона, который родился в Грузии, в городе Тифлисе, и умер в Дурдане в возрасте шестидесяти четырех лет».

ФАНТАЗИЙНЫЕ МИРЫ ПЕТРА ХОТЯНОВСКОГО

— Инна БЕЗИРГАНОВА

В ноябре 85-летний юбилей отмечает писатель, драматург, режиссер, член Союза писателей Грузии и Международной Гильдии писателей (Германия) Петр Андреевич Хотяновский, за последний сборник прозы «Грязная сучка» признанный русскоязычным интернет-порталом «Семь искусств» автором года. В июле 2022-го в Москве, в Доме-музее Алексея Толстого, прошел творческий вечер Петра Хотяновского и презентация его книги.

«Грязная сучка» — необыч-

ная книга. Хотя необычна она, если рассматривать ее в отрыве от остального творчества Петра Хотяновского. В течение многих лет писатель творил в соавторстве с женой, режиссером, поэтом, драматургом Ингой Гаручава.

«И. Гаручава и П. Хотяновский предлагают порой самые неожиданные, невероятные сюжетные ходы, их фантазия не знает границ. Они смело разрушают каноны жанров, границы между реальным и ирреальным, фантастическим. Из

каких-то мистических совпадений, встреч, видений, знаков часто и рождаются их пьесы» — так я писала о пьесах этих авторов.

С кончиной Инги Гаручава в 2013 году перестал существовать талантливый дуэт драматургов, пьесы которых пользовались неизменным успехом на родине и за ее пределами. Но продолжает звучать соло своеобразного, тонкого прозаика Петра Андреевича Хотяновского — на радость почитателей его творчества.

В своей прозе Петр Хотяновский воссоздает ирреальный (параллельный) мир, вплетает фантастические элементы в реалистическую картину действительности, подчиняя свои произведения притчевой логике. Прихотливое воображение автора легко преодолевает расстояния и время. Соединяет конкретные исторические, жизненные обстоятельства с событиями невероятными.

В прозаический сборник «Грязная сучка» вошло пять рассказов. По словам автора, они родились за довольно короткий промежуток времени несколько лет назад. Первое из включенных в сборник произведений носит эпатажное название — «Грязная сучка». Это история уникальной женщины, умершей в 97 лет и родившей за свою продолжительную жизнь 88 детей. Для кого-то она «грязная сучка», для других — святая, подобная библейской Саре. Или «существо космического происхождения», специально посланное на землю, «чтобы родить многочисленное потомство и стать праматерью новых людей, которые подготовят человечество к вторжению инопланетян». Так или иначе, загадка остается загадкой — автор не раскрывает нам тайну феномена Грязной сучки. Но для меня она — не совсем человеческое существо, а скорее некий символ вечного материнского начала, вечной жизни.

Почти столетняя жизнь Грязной сучки проходит на масштабном историческом фоне, начиная с 20-х годов прошлого века и заканчивая современностью. Однако вполне реальные политические события и социальные явления переплетаются здесь с

безудержной фантазией – я бы сказала, ее бесконечным потоком. С первых строк обозначается, пусть и условно, место и время – советская эпоха: «Грязную Сучку и Барак повышенной комфортности, в которой она через 97 лет умерла, зачали в один день. Сначала зачали Барак: 1 августа, в 15 часов пополудни, – дата была выбрана с политическим подтекстом. Инструктор, присланный из района, произнес речь, в которой торжественно обещал, что ровно через девять месяцев – 1 мая следующего года, на этом месте будет стоять первый кирпичный дом будущего города. Под крики «ура!» и медные звуки духового оркестра в основание Барака заложили обмотанный красным кумачом кирпич зачатия».

Позднее в повествование внедряются современные реалии – упоминаются секс-меньшинства и гей-парады, возникают телевизионные шоу, торговые комплексы с гостиницами и борделями, замаскированные под массажные кабинеты из экзотических стран. Вся эта узнаваемая картина открывается читателю вместе с экстраординарными явлениями и вневременными персонажами, носящими условные имена – Опекун, Дознатель, Начальник, Прокурор, Царица, Настоятельница, Власть.

В рассказе «Звон большого колокола» персонифицированы не только неодушевленные предметы, но даже звуки! «Колокол и Звон родились в один день, как рождаются один за другим близнецы. Сначала на свет появился Колокол: облепленного формовочной глиной как рубашкой-последом, его вытянули из лона литейной ямы шестерка дюжих коней, впряженная в толстые, перекинутые через блоки канаты. Литейных дел мастер очистил от шлака кусочек металла, поступал по нему костяшками пальцев, приложил ухо к еще теплому телу Колокола и уловил в слабой вибрации мощный голос его будущего Звона». Судьба Колокола и Звона тоже напрямую связана с историческими событиями – они угадываются уже в первых строках рассказа: «Во всеми

забытом монастырском Колоколе жил Звон. В Колокол так давно не звонили, что он стал забывать мощный голос своего Звона. Веревка, подвязанная к железному «языку», истлела, и птицы растащили ее по ниточкам на подстилки в гнезда, свитые под куполом колокольни. Временами Колоколу казалось, что он вообще потерял голос, но это было не так: легкие касания крыльев случайно залетевших бабочек, или брошенная порывом ветра ветка будили Колокол, и он начинал тихо звенеть. Лучше всего он звучал, когда до него докатывались волны весеннего грома – бронзовое тело Колокола начинало дрожать и басовито гудеть в тон грому. В эти редкие минуты Колокол и Звон как бы возвращались к жизни и радовались, что избежали участи своих собратьев, сброшенных с колоколен вчерашними прихожанами в порыве охватившего их безумия». А затем следует рассказ о дальних путешествиях Звона, мечтающего найти место, где Звон Утренней Тишины можно услышать в голосах Космического Хора. И т.д. и т.д. Фантазийная вязь автора бесконечно разнообразна и богата!

Персонажами его рассказов становятся Потерянный год, старая Виолончель Гварнери, забытая в чердачной пыли, и внезапно умерший на парковой скамейке человек – герой рассказа «Прости, пожалуйста», который мы публикуем в этом номере журнала. Он тоже – как и Потерянный год и драгоценная виолончель оказался никому не нужным и брошенным. «Самое смешное, что жизнь моя к тому моменту сложилась таким образом, что ни через день, ни через месяц, ни даже через год никто не спросил бы, а куда, собственно, делся имярек. Так что шансы на опознание были практически нулевые». Тема, чем-то близкая Кобо Абэ. Окружающие считали умершего человеком не от мира сего и неудачником, потому что «везение обходило его стороной». А причина проста: он был слишком деликатен и интеллигентен. Умерев, задумался о своей жизни, о причинах тотального невезения: «Может, оттого, что слишком часто извинялся?

Определенно, тут есть какая-то связь... Скажите, вам часто встречались успешные люди – не хамы? Мне – нет. Стоит человеку подняться на полступеньки выше по службе или почувствовать вашу зависимость даже в самом простом деле, – справку, к примеру, получить, – как самое последнее ничтожество тут же начинает самоутверждаться хамством». И вот итог жизни интеллигентного человека – герой становится донором, его органы пользуются невероятным спросом! «Парадокс! Молодой, образованный, абсолютно здоровый мужчина, с интеллектом выше среднего, без вредных привычек, почти никому не нужный при жизни, сейчас, разобранный на части, стал нужен тысячам мужчин и женщин по всему миру! Простите, пожалуйста, но, при всем желании меня не хватит на всех» – с горькой иронией размышляет покойник. Эта невеселая, поучительная и, как всегда у Петра Хотяновского, невероятная история получила продолжение. Писатель сейчас работает над романом – в нем умерший встречается с теми, кто стал обладателем его органов – сердца, легких, печени и т.д. Как пояснил автор, это не душа недавно представившегося, а некая Сущность, человеческая Мысль, обладающая мощной энергией, каким-то образом оказавшаяся в пространстве между Жизнью и Смертью. С нетерпением ждем роман...

Петр Хотяновский, наделенный смелым, парадоксальным воображением, предлагает читателям самые неожиданные сюжетные повороты. И читатель с удовольствием плывет вместе с автором по вольной реке его повествования. При этом мы ощущаем глубокий гуманистический посыл автора, его боль за своих героев – и не важно, идет ли речь об одиноком человеке, умершем на парковой скамейке, или стареньком инструменте, забытом на чердаке.

От души поздравляем Петра Андреевича и предлагаем вниманию читателей его рассказ «Прости, пожалуйста».

ПРОСТИ, ПОЖАЛУЙСТА!

■ Петр ХОТЯНОВСКИЙ

Я умер. Произошло это не так давно. Только не спрашивайте, как. Как-то сразу и без предупреждения. Присел в тени платанов на парковую скамейку покормить голубей остатками семечек, и все... Миг легкого головокружения, и вот уже я Там. Даже не сразу понял. Словно на мгновение погрузился в сон... Весь окружающий мир остался на месте. Или почти на месте. А я уже Там. Оказавшиеся рядом случайные люди тоже не сразу поняли, что я уже Там. Кто-то сказал – пьяный. Кто-то сказал – спит, и слегка толкнул в плечо, видимо, желая разбудить. И тогда прижизненное равновесие мое нарушилось, и тело мягко повалилось на бок...

Ну, потом началась рутина, как это обычно бывает. Стали кричать, звать, звонить. Обшаривать карманы в поисках документов... Сколько раз близкие советовали держать при себе документы. Не слушался, не носил. А вот понадобились, и поди докажи, кто ты. Самое смешное, что жизнь моя к тому моменту сложилась таким образом, что ни через день, ни через месяц, ни даже через год никто не спросил бы, а куда, собственно, делся имярек. Так что шансы на опознание были практически нулевые. А сам себя назвать я, увы, уже не мог. Поначалу это обстоятельство меня огорчило. Даже ощутил какое-то подобие слез на глазах. Смешно, не правда ли, – плачущий покойник! Но это, видимо, оттого, что глаза еще не успели совсем остыть, или, как говорят в таких случаях, – остекленеть. В уголках глаз скопилась остаточная влага, которая и показалась мне слезами. Но через минуту я понял, что в моем положении

есть изумительная тайна. Я отправляюсь в неведомое, далекое и, говорят, бесконечное путешествие – инкогнито. Без проводов. Без суеты. Без фальшивых печалей и огорчительной необходимости неблизких мне людей вести себя элементарно по-человечески: проводить покойника в последний путь, бросить горсть земли на крышку гроба, торопливо пробормотать – мир праху, и потом долго вспоминать и думать о себе, как хорошо, по-доброму, по-христиански они поступили со мной, никому не нужным и одиноким, помянув вслед глотком вина.

В морг я пошел из чистого любопытства. Мог бы и не идти. Вспомнил сверкающие нержавеющейкой, чистой и холодом стеллажи с покойниками из зарубежных фильмов и подумал: вдруг и меня, то есть, то, что от меня осталось, тоже уложили в сверкающий белизной пенал холодильника. Размечтался! В нашей части света ровно ничего не изменилось. Пьяный санитар, пьяный дежурный прозектор, грязь, холод... В общем, какие претензии? То, что туда привезли, было не больше я, чем пустая коробка из-под сигарет. Меня успели раздеть и повесить на ногу бирку, где вместо фамилии было написано: «Неизвестный».

Прозектор помял мой бывший живот, оттянув пальцами веки, заглянул в глаза, в рот, прощупал железы подмышками и в паху, внимательно осмотрел мой член.

– Господи, какой стыд, – подумал я, и сразу рассмеялся. Какой может быть стыд у пустой коробки из-под сигарет.

– Хороший экземпляр. Теплый еще, – одобительно по-

хлопав меня по щекам, сказал прозектор.

– Крепкий пацан, – согласился санитар. – И не старый. Потрошить будем?

– Резать! – сказал прозектор.

– Не надоело? Полосни ножом по брюху, зашью побыстрому, и домой.

– Аккуратно, очень аккуратно будем резать, – пьяно улыбнулся мне прозектор, – и не здесь.

Тело перенесли в соседнюю комнату, похожую на операционную. Положили на стол, покрытый пленкой поверх белой простыни, зажгли яркий хирургический свет. Прозектор надел перчатки, сделал длинный вертикальный разрез от солнечного сплетения до лобка, и через весь живот – поперечный. Господи, как красиво устроен человек внутри! Каждый орган в своем пространстве, как отдельное существо, со своей жизнью, радостями и болезнями... Никогда их не чувствовал. Еще совсем недавно они работали на меня, давали жизнь, не беспокоили и ничего не требовали взамен. Ну, разве что желудок, да и тот не только для себя, а для всех. В раскрытом животе органы выглядели совсем живыми, и мне их стало бесконечно жалко. Как им теперь без меня? Руки прозектора вошли в полость, осторожно ощупали печень, почки, прошлись пальцами по желуд-

ку и кишечнику. Потом секатор вскрыл грудную клетку, и прозектор взял в руки мое сердце... Странная штука – время. Утром пьешь кофе, смотришь телевизор и не представляешь, что всего через несколько часов увидишь собственное сердце в руках пьяного прозектора. Я с любопытством разглядывал его, пытаюсь понять, как этот краснокоричневый мускул умудряется вмещать столько человеческих чувств! Одна любовь чего стоит! А ненависть?! Нежность, тоска, ночные страхи, предчувствия неизвестно чего... А еще надо шестьдесят раз в минуту сократиться, разгоняя кровь по жилам. Понятно, почему иногда сердце разрывается, не выдержав наших безумств. Но мое-то сердце не разорвалось. За всю жизнь оно ни разу даже не кольнуло меня, хотя причин для этого было предостаточно.

– Все органы, как новенькие, – похвалил меня прозектор. – Интересно, от чего ты умер?

Мне тоже интересно, от чего я умер, если то, что со мной случилось, называется – смерть. Никогда ничем не болел, и вдруг... А если это что-то другое, и я вовсе не умер? Может, это летаргический сон? Эй, коновал, может, попробуешь оживить меня или разбудить? Сам говорил, все органы, как новенькие!

Рука с острым скальпелем задержалась над раскрытой полостью, как бы выбирая, с чего начать. Губы прозектора сложились гримасой секундного сожаления, а в мозгу, совершенно неожиданно для людей его профессии, мелькнула мысль, за которую я ему очень благодарен: – Прости, парень. Тебе сильно не повезло...

Надо же, извинился перед покойником! При жизни я редко слышал извинения, разве что по пустякам. Хотя сам по любому поводу только и делал, что извинялся, – «простите, пожалуйста». В одной глупой конторе, где довелось служить, мне даже кличку приклеили – «прости, пожалуйста».

Я их простил. И всех других простил, кто считал меня человеком «не от мира сего» и неудачником. Да, везение и удача во всех делах обходили

меня стороной. Может, оттого, что слишком часто извинялся? Определенно, тут есть какая-то связь... Скажите, вам часто встречались успешные люди – не хамы? Мне – нет. Стоит человеку подняться на полступеньки выше по службе или почувствовать вашу зависимость даже в самом простом деле, – справку, к примеру, получить, – как самое последнее ничтожество тут же начинает самоутверждаться хамством. Так что если вы еще живы, не лежите на столе в прозектуре и у вас есть амбиции, – хамите, и успех в делах будет обеспечен... Только никогда не произносите – «прости, пожалуйста»!

Санитар подавал инструменты, прозектор торопил его, говоря, что надо спешить, времени мало. Интересно, о каком «времени» говорит прозектор? Лично мое «время» уже кончилось. Теперь оно называется «вечность», а «вечности» не может быть «много» или «мало». И вдруг я понял! Говоря «время», он имел в виду совсем не меня, а время биологической жизни моих органов! Они еще живы! Если все делать быстро, они могут пригодиться, могут кого-то спасти, продлить жизнь. Я ДОНОР! Я донор. Донор...

Но простите, пожалуйста, если вы такие здоровые, мои дорогие органы, если вы можете спасти чью-то жизнь, почему вы все вместе не спасли меня, мою жизнь?! Может, моя жизнь вам показалась не такой важной, не такой ценной, как жизнь тех, в кого вас пересадят? Может, в вас чем-нибудь обидел? Если – да, почему молчали? Ни боли, ни жалоб, ни даже малейшего укола. Дежавю... Такое со мной уже было. Тихо, без жалоб, слез и скандалов ушла из моей жизни жена. Оказывается, ее раздражало, что я дважды в день, утром и вечером, моюсь в душе. А иногда и ночью, если она допускала меня к себе. Ночное мытье ее особенно раздражало: – Ты так спешишь смыть с себя мой запах...

На самом деле все было еще проще. Она меня стеснялась. Стеснялась моей неприспособленности к жизни, неумения делать «настоящую карьеру», неумения много пить и быть

«душой компании». При этом она меня очень любила! Да, так бывает. Женщины устроены парадоксальней нас, мужчин. Она любила меня ревнивой эгоистичной жалостью, как часто матери любят больных детей. Но постепенно стеснение вытеснило любовь, и она ушла, не думая, что будет со мной.

Сейчас, глядя, как еще живые органы постепенно уходят из моего тела, я понял причину своей смерти. Они, как и жена, стали стесняться меня. Сильные и здоровые, они хотели жить совсем другой жизнью. Сердцу не хватало адреналина и радостного возбуждения. Легкие мечтали наполняться звенящим от мороза воздухом альпийских шале. Печень готова была в хмельном застолье перерабатывать литры водки, а либидо требовало женщин больше, чем я предлагал...

Утром, на парковой скамейке, совершенно здоровые органы взбунтовались и отключили меня от себя. Наверно они, как и жена, знали, что не пропадут без меня. Что в специализированных клиниках по всему миру за каждым из них стоит огромная очередь, и они смогут выбрать новых хозяев по своему вкусу и генетической совместимости. Ну и ладно. Простите, пожалуйста.

...Через час все, что когда-то было частью меня, аккуратно запакованное в стерильные полиэтиленовые пакеты, лежало в корыте со льдом. Сердце, легкие, печень, почки, два моих глаза и даже семенники. Каким-то особым, похожим на шприц инструментом из меня выкачали костный мозг. Слава Богу, подумал я, головной мозг еще не научились имплантировать. Не то чтобы стыдно, если кто-то чужой узнает про меня больше, чем мне бы хотелось. Просто мои мысли – это моя тайна. Пусть хоть они останутся со мной.

За всей процедурой изъятия органов я наблюдал совершенно спокойно, но когда прозектор начал срезать со спины, груди и бедер тонкие полоски кожи, мне стало больно... Тонкая кожа рвалась в его руках. С кожей и у меня часто бывали проблемы. Чуть заденешь, сразу царапина, синяк. Ерунда, скажете вы, по-

войник не может чувствовать боль, и будете правы. Но душа не умирает вместе с нами. Она бессмертна. Следовательно, и боль ее, в каком бы мире душа не находилась, – бессмертна. Я бы даже сказал, что именно боль делает наши души бессмертными. И если чья-то душа не чувствует боли, то она вовсе и не душа, а просто часть тела, такая же брeнная, как и все остальные.

Когда во мне не осталось ни одного живого, годного в дело органа, санитар с прозектором переложили все, что осталось от моего тела, в пластиковый мешок.

– Спасибо тебе, «неизвестный», что отдал страдающим свои здоровые органы, – пошутил санитар, задерживая змейку мешка.

Мне понравилась интонация, с которой он это сказал, – без злобы, без раздражения, как шекспировский могильщик – «Бедный Йорик»!

Вскоре появились и покупатели. Внимательно осмотрев каждый орган, они заглянули в мешок, удостоверились, что органы извлечены из этого достаточно молодого тела, и начался торг.

Если не знать, что речь шла о частях моего тела, можно было подумать, что торг происходит у лотка субпродуктов в мясных рядах на рынке. Обе стороны знали, что «товар» скоропортящийся, быстро теряющий цену, а потому торговались быстро и уступчиво. В прессе мне приходилось читать, что трансплантаты стоят больших денег, но здесь, в морге, работало правило «первой руки», и их сторговали по обидно низкой цене. Впрочем, прошло совсем немного времени, и части некогда моего тела «ушли с молотка» за совершенно безумные деньги. Я даже испытал некоторое чувство гордости: не зря прожита жизнь! Жаль, жена этого не узнает. Она часто кричала: «Чего стоят твои мозги, если они не способны заработать приличные деньги!». Да, за мозги мне платили совсем немного. Меньше, чем за бицепсы охранников, вообще лишенных извилин. Да что – я, в историю загляните. Мозги во все времена ценились

не очень. Великий мозг почти всегда приносил великое страдание. От него не то что знатное, даже Божественное происхождение не уберегло...

В лаборатории, где сделали множество анализов, мои органы вызвали настоящий переполох. По мере появления результатов различных тестов выяснилось, что они обладают почти абсолютной совместимостью. Это было настолько невероятно, что, несмотря на неизбежную потерю драгоценного времени, все анализы перепроверили, и только после этого внесли во всемирную компьютерную базу данных реципиентов.

В считанные минуты предложения на приобретение трансплантатов по любой цене стали поступать из разных стран и даже с других континентов.

Парадокс! Молодой, образованный, абсолютно здоровый мужчина, с интеллектом выше среднего, без вредных привычек, почти никому не нужный при жизни, сейчас, разобранный на части, стал нужен тысячам мужчин и женщин по всему миру! Простите, пожалуйста, но, при всем желании меня не хватит на всех.

Знаменитая немецкая клиника, не ожидая согласия, сразу послала за моими семенниками специально оборудованный самолет. Оказалось, что они абсолютно совместимы с организмом вождя африканского племени Лемба, который лежит в их клинике. Вождь того самого племени, гены которого, по утверждению ученых, напрямую связаны с генами Евы, Праматери всего человечества! Но самое фантастическое – во всемирной базе данных тысяч больных, ожидающих трансплантации, не нашлось ни одного случая несовместимости с моими органами!

Впрочем, вру. Один случай все же был. Несовместимым с моими органами оказался я сам. К счастью, отторжение внутри меня происходило постепенно, и я успел пожить. Генетика тут ни при чем. Сам во всем виноват. Жил фантазиями, а надо было, хоть иногда, жить простыми человеческими страстями и уступать плоти. Я же

чувствовал, слышал ее просьбы, а иногда и бунт, особенно в предутренние часы, когда идотские принципы терзали каждую клетку моих страдающих органов. Лицемер! Я отказывал им в праве на свои радости: на блуд, чревоугодие, пьянство, на сауны, на звенящий от мороза воздух зимних Альп и аромат мангровых зарослей. Я не понимал, что жизнь плоти короткая, а у плотских удовольствий – еще короче. Так в чем их вина? Праматерь, и та искусилась!

Простите, пожалуйста, дорогие мои органы, я не держу на вас зла. Вы поступили верно, что кинули меня на парковой скамейке в тени платанов. Я не умел вами пользоваться. Не замечал, не ценил вас. Лишь приблизительно знал, где вы находитесь. Но сейчас я за вас спокоен. На вас такой спрос. Вам подберут тела, совместимые не только с генами, но и со страстями. Вы проживете с новыми хозяевами долгую и счастливую жизнь. Только не думайте, что я навсегда уйду из вас. Нет, я останусь, и буду жить в вас так, как этого будет желать плоть ваших новых хозяев. Я уже знаком с ними, и они мне понравились.

МОЕ СЕРДЦЕ будет биться в груди молодой женщины, и я вгущу в него столько любви, сколько ей будет нужно для счастья.

МОИ ЛЕГКИЕ будут дышать чистым воздухом гор в груди излечившегося туберкулезника.

МОЯ ПЕЧЕНЬ позволит новому хозяину пить много вина и есть в свое удовольствие жирное мясо.

МОЯ КОЖА вернет красоту девушки, лицо которой изуродовали кислотой зависти.

МОИ СЕМЕННИКИ будут без усталости наполнять наслаждением тело вождя африканского племени Лемба.

МОИ ГЛАЗА дадут свет глазам слепого, и через них я увижу мир таким, каким не видел его никогда раньше.

Все не так уж и плохо.

А если что не так – **ПРОСТИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА!**

НА ВИРАЖЕ

Такова жизнь человеческая, да и судьба актерская – знай себе свистит на крутых виражах и опасных поворотах, только успевай зажмуриваться.

Пять лет назад мы сердечно поздравляли грибоедовца Василия Габашвили с 30-летием и желали ему успехов и новых побед. И вот ему 35. Хочешь-не хочешь – надо подвести итоги прошедшей «пяtilетки».

Стоит вспомнить, простите за упоминание о личных обстоятельствах, что за это время Василий дважды стал отцом, получив таким образом еще один стимул для дальнейших дерзаний. И он не только сделал следующие шаги в актерской карьере, но и расширил сферу своих профессиональных интересов, нашел себя и на новом, не связанном с театром, поприще. В актерской среде такое вполне возможно, и мы знаем тому немало счастливых примеров. Тут самое главное – умудриться совместить две сферы деятельности, не повредив ни одной из них. Если, конечно, же-

лание заниматься актерством у актера по-прежнему сильно... А оно у Василия Габашвили, по видимому, действительно не ослабло. Достаточно вспомнить его работы последних двух лет – феерический Жорж Милославский в комедии М. Булгакова «Иван Васильевич» в постановке Н. Чикваидзе, сразу две роли в «роковых историях» А. Варсимашвили «Аллеи любви» И. Бунина – в новеллах «Кавказ» и «Муза». А если добавить, что буквально на днях Василий, выручив коллегу, срочно ввелся в премьерный спектакль А. Енукидзе «Какая грусть! Конец аллеи...» Р. Габриадзе, ярко сыграв роль могильщика Васи, то нам остается сделать единственный вывод: Василий Габашвили остается замечательным актером, готовым идти к новым вершинам, радуя любящих его зрителей.

Поздравляем с круглой датой! Многих радостей и удач, исполнения желаний, всего самого доброго и светлого!

А КТО ТУТ ПОСТОРОННИЙ?

■ **Левон УЗУНЯН**

«Все же, по-моему, твой Динкель старше тебя. Хотя он, возможно, и твой ровесник, но жизнь его основательно помяла. Поэтому он и выглядит старше тебя... Почти старик. Подумай об этом», – я, как обычно, высказал свои предрепетиционные наставления Роберту и спустился на сцену.

Там царил суета, какая обыкновенно бывает перед началом репетиции. Художник ругался с рабочими сцены за неверно подвешенные кулисы. Помреж отчитывала реквизитора. Осветители мигали прожекторами. Актер, исполнитель Миллера, как обычно, был недоумен всем, что творится в театре. Все как всегда.

Неожиданно на сцене появился незнакомый старик в мятом плаще и шляпе.

– Кто это? – крикнул я из зала. – Лиана, почему на сцене посторонний?

Все замерли и с удивлением посмотрели на меня. Наступила напряженная пауза.

– А кто тут посторонний? – спросил старик голосом Роберта.

– Роб, это ты?

– Я! – улыбаясь, ответил Роберт.

Роберт Аюпян – Заслуженный артист Армении, ведущий артист Ереванского Государственного Русского Драматического Театра имени К. Станиславского.

– Роб, сегодня ты ереванец. Но ты же родился в Тбилиси.

– И не просто в Тбилиси, а в самом его центре. Я авлабарец!

Глава 1 АВЛАБАР

– Я родился весенним пасмурным, но прекрасным, вечером, чем необычайно обрадовал своих родителей. А было это в 1964 году, 17 марта.

Рос неугомонным, бойким. Как почти все мальчишки, любил гонять мяч, отлынивал от уроков, что незамедлительно, порой и немилосердно, пресекалось моей мамой.

В нашем дворе жили семьи разных национальностей: русские, армяне, грузины, осетины, курды, азербайджанцы, евреи. Я слышал слова: «Я люблю тебя», «Пойдем в школу» – на русском, азербайджанском, армянском, грузинском. Мой папа говорил на семи языках. Неслучайно в Тбилиси говорят, что здесь живет особая нация – «тбилисец».

Конечно же, в моем детстве случались типичные тинейджеровские разборки, но не на национальной почве, а по территориальному принципу. Например, шли «стенка на стенку» Авлабар и Мейдан, защищая честь района. Но причин драться было меньше, чем причин дружить, вместе играть, отдыхать. Мы танцевали «Семь сорок» – еврейский танец, который так назывался, наверное, потому, что поезд из Тбилиси в Одессу отправлялся в 7.40 вечера. Мы все вместе танцевали одни и те же танцы. И только когда ереванский «Арарат» играл с тбилисским «Динамо», мы «дружили» друг против друга. Но когда Тигран Петросян стал чемпионом по шахматам, радовался весь наш двор и весь Тбилиси.

Вот такое счастливое было у меня авлабарское детство!

Маме мое будущее виделось радужным и великим – будь то стезя доктора или юриста. Она не жалела ни сил, ни времени на физическое и духовное воспитание сына, водила меня на пла-

вание и в музыкальную школу. Ей и в страшном сне не могло присниться, что может учудить многообещающий отпрыск. А я учудил. Взял да поступил после школы в Ереванский художественно-театральный институт на курс народного артиста СССР Хорена Абрамяна.

Справедливости ради отмечу, что я никогда не отличался прилежанием, чем неоднократно возмущал педагогов. И, тем не менее, это не помешало закончить институт. Но тут же я был пострижен в солдаты и отправлен в тогдашний Ленинград отдавать долг тогдашней Родине. Долг был выплачен сполна.

И вот я поступил на службу в Тбилисский государственный армянский театр, который был в двух шагах от моего дома. Потом был Ереван. Один театр, потом другой, кино, телевидение, фестивали... Вот и все!

– Как все? Нет, давай подробнее. Ты поехал в Ереван учиться на актера. Почему?

Глава 2 УЧИТЕЛЬ

– Если честно, в эту профессию я попал абсолютно случайно. У меня и в мыслях не было становиться актером. Да и особенно желания не было. Я собирался учиться на хирурга, но мои друзья, которые окончили театральную студию Тбилиско-

го армянского театра, ехали поступать в Ереванский художественно-театральный институт (а экзамены там проводились на месяц раньше, чем в другие ВУЗы), и я решил поехать и «поболеть» за них. И так, шутки ради, вместе с ними подал документы. Нас было восемь человек – семь парней и одна девушка. В итоге, почему-то, в институт приняли только меня. И вот я уже студент. Учеба мне давалась достаточно легко. Не считая, конечно, армянского языка, который мне пришлось учить практически с нуля. Оказалось, что я говорил не совсем на том армянском языке, на котором шло обучение. Но самое главное – мне надо было научиться читать и писать на армянском. В институте я был единственным студентом с букварем в руках. Через полгода мог совершенно спокойно написать сочинение (конечно, с орфографическими ошибками). Выучить армянский язык – таково было главное и обязательное условие, которое поставил передо мной Хорик.

– Хорик?!

– Так за глаза называли Хорена Бабкеновича. В глаза его так назвать никто бы не рискнул, разве что внуки. Хорен Бабкенович не терпел фамильярностей и панибратства.

– Хорен Абрамян был одним из великих артистов

армянской сцены. Какими особенными секретами профессии он делился с вами, своими учениками?

– Да, было три основных постулата, которые я запомнил на всю жизнь.

Первый – при работе над образом не бывает мелочей. Все очень важно. Ни один шаг, ни один взгляд, ни один звук не должен быть сделан просто так. Все должно иметь свои корни и свою биографию.

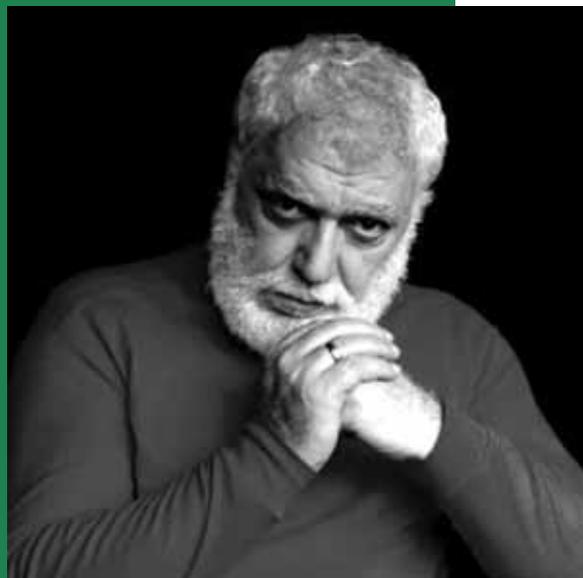
Второй постулат – не допустить суеты на сцене. У актера всегда есть уйма времени, чтобы подумать и потом ответить на реплику партнера. «Держи паузу! – говорил он. – Очень многое подвластно тому актеру, который умеет держать паузу».

И третий постулат – со всеми своими партнерами по сцене быть на равных, независимо от того, кто какую роль исполняет и какой статус имеет в театре.

– Интересно!

– Да, Хорен Бабкенович был не просто большой артист, это была глыба. И это не просто мое мнение. Помню после института я попал в тогдашний Ленинград и встретился в БДТ с Георгием Александровичем Товстоноговым, он очень долго меня расспрашивал о Тбилиси, а потом узнав, что я актер и моим мастером был Хорен Абрамян сказал, что мне невероятно повезло потому что я учился у величайшего шекспировского артиста мирового уровня, которых в мире

Хорен Абрамян

«Меня зовут Комитас»

человек десять. Это его слова, и я не думаю, что этой фразой Георгий Товстоногов, передо мной, тогда молодым актером из Тбилиси, старался как-то красиво высказаться.

– Репетиция окончена. Спасибо всем. Завтра в то же время. Мне нужен на сцене весь реквизит. Лиана, проследи, пожалуйста. Все свободны, – я произнес традиционную тираду и остался сидеть в зале.

– Поднимешься в гримерку? – спросил Роберт.

– Да, сейчас...

– Что-то не так?

– Нет, все так... просто... – ответил я, но, видя, что мой ответ не очень устроил Роберта, продолжил. – Посмотри, Аушвиц освобожден, все ликуют. А твой герой в это время врывается в кабинет начальника лагеря. Зачем? Он что, собирался застрелить Миллера-старшего? Тогда почему он промолчал, когда на его глазах убивали отца? Уткнулся глазами в землю. Струсил?

– Да, струсил, – после долгой паузы сказал Роберт. – А что? Это же естественно... Впервые, не забывая, он еще под-

«Фальшивая нота»

росток, мальчишка. Во-вторых, он был иначе воспитан, и потому его поступки были лишены показной, лживой героики. И в этом его основной внутренний конфликт. Все. Перестань заниматься самоедством. Все идет нормально.

На сцену вышла Лиана, померз.

– Господа, где вы? Кофе стынет.

– Уже идем! – одновременно произнесли мы.

Глава 3 ВОЙНА

– Роб, ты прошел войну в Абхазии. Знаешь о войне намного больше актеров, которые играют на сцене героев войны. Ты с готовностью рассказываешь о своей службе в советской армии. И эти истории всегда занимательные, смешные. Но я никогда не слышал от тебя ни слова о войне в Абхазии. Почему?

– То время было временем потерь. Потерь друзей. А по большому счету, война была потерей человеческого облика, какой-либо объективности. Появилась озлобленность, озлобленная категоричность. Служа в советской армии, мы даже не думали о войне. Все были живы, стреляли по фанерным мишеням. А на войне надо было стрелять в живого человека. Да, он враг, и если сейчас ты в него не выстрелишь, то он выстрелит в тебя. Ты стреляешь

и убиваешь его, а потом очень долго его видишь... Я не думаю, что война чем-то обогатила мою актерскую палитру. Нет. Скорее наоборот. Время потерь. Потерянное время.

– Значит, бесстрашные герои в спектаклях на военную тему, это «система Станиславского»?

– Да, на все девяносто пять процентов.

– А пять процентов?

– Это те реальные герои войны, которые в большинстве своем или погибли на поле боя, или возвратились домой абсолютными инвалидами. Ничего романтического в войне нет. Война – всегда смерть, грязь и мерзость. Скажем так, героизм на сцене – это часть актерской профессии. Я очень хорошо знаю, что такое героизм на сцене, но я совсем не знаю, что такое героизм в войне. Вот и все! И давай не будем больше о войне.

Ровно в 10:35 красненький Chevrolet Spark подъехал к моему дому.

– Послушай, – очень серьезно начал Роберт, когда я сел в его автомобиль. – По театру раздаются не очень приятные реплики о наших репетициях. Я не знаю и не хочу знать, от кого идут эти реплики, но если тебе скажут что-то не очень приятное про меня или про Армена, знай, что это интрига. Тебя просто «пробуют на зуб». Сам понимаешь, не все рады нашей работе в театре.

– Не волнуйся, у меня иммунитет на театральные интриги, – ответил я. – «Пробовать на зуб» меня не получится, я несъедобен!

– Просто если кто-то что-то скажет...

– То я стреляю без предупреждения.

И мы поехали в театр на репетицию.

«Вспомни имя свое»

Глава 4 ТЕАТР. И ЕЩЕ ТЕАТР. И ЕЩЕ...

– Если я не ошибаюсь, ты поменял около шести разных театров. У каждого из этих театров – своя история, свое лицо, свой зритель. Что тебя раздражало в этих театрах? Что ты искал?

– Знаешь, я сейчас вспомнил одно интервью Фаины Георгиевны Раневской. Она тоже меняла театры, и ее тоже спросили, что она искала. Она ответила, что искала высокое и чистое искусство. «И что, вы нашли это искусство?» – спросили ее. «Да, нашла», – ответила Раневская. – «Где?» – «В Третьяковской галерее».

– Как ты думаешь, все театры разные?

– Возможно для тебя, как режиссера, так и есть. Но для меня, артиста, театральные труппы мало чем отличаются друг от друга. Разве что количеством артистов на квадратный метр и по языку вещания со сцены. А в остальном они одинаковы. Террариум! Некое пространство, в котором созданы определенные условия (температура, влажность, обогрев) для содержания амфибий, рептилий, насекомых и других беспозвоночных. Да, я менял театры, в которых был достаточно востребован, потому что в какой-то момент терял интерес работать в этих театрах. Не служить, а именно работать. И очень спокойно уходил в никуда. И случайно в моей жизни появился Ереванский русский театр. Без малого восемнадцатый сезон я в этом театре.

– Тебе здесь комфортнее, чем в других театрах?

– Наверное, да. По крайней мере в этом театре я получил возможность не только быть занятым в репертуарных постановках, но и создавать собственные моноспектакли.

– Хорошо, что ты сам заговорил об этой сфере твоего творчества.

– Если честно, я всегда избегал участия в таких спектаклях, но один раз попробовал и уже не могу остановиться.

Честно говоря, я не очень серьезно относился к моноспектаклям. Целый час (а иногда и больше) смотреть и слушать одного актера – это тяжело. Но, как всегда, его величество случай сделал очередной поворот в моей творческой судьбе, и я с головой ушел в монотворчество. Это как второе дыхание. Появилось желание творить. Не ждать пока кто-то тебя займет в какой-то роли, а самому лепить свои образы. По-новому проявилась дикая заинтересованность в профессии. Вдруг открылись новые, совершенно неожиданные горизонты. Новые зрители, которые приходят именно на мои моноспектакли.

– Ты часто снимаешься в кино и в телесериалах.

– Не так часто, как хотелось бы, но, конечно, грех жаловаться. Да, меня снимают, но такого кино, которое захватило бы меня целиком и полностью, пока не было. Но я не теряю надежды. Возможно его величество случай и тут сделает свой неожиданный поворот в моей жизни. Поживем – увидим!

Сцена из спектакля «Какая грусть! Конец аллеи...»

«КАКАЯ ГРУСТЬ! КОНЕЦ АЛЛЕИ...»

— Инна БЕЗИРГАНОВА

Каждый человек рано или поздно задумывается о смысле своего существования и неизбежности смерти. С приближением ухода — все чаще и чаще. А когда на тему жизни-смерти размышляет такой большой, тонкий художник, как Резо Габриадзе, она обретает космический масштаб, философскую глубину и пронзительную лирическую интонацию. При этом никого не удивляет, что в его пьесе «Какая грусть! Конец аллеи» заговорили памятники — вернее, души тех, кому они были поставлены. И что с душами умерших общается женщина по имени Мэри. Некогда знаменитая актриса, а ныне электросварщица, пережившая лагеря, но не сломленная. Она еще мыслит, борется за свое право на жизнь, любит, страдает... и даже проявляет свой редкий актерский дар. Пусть и не на театральной сцене и не на съемочной площадке, а на кладбище, среди могил. Что тоже никого не удивляет, ведь это — Габриадзе, философ-фан-

тазер, у которого между живыми и ушедшими, одушевленными и неодушевленными сущностями разницы никакой: люди, животные, насекомые, вещи... паровозы и даже обыкновенный фонарный столб — часть единого целого. Хотя одно дело, когда сам Габриадзе воплощает свои гениальные творческие идеи, согретье светлым юмором, нежной иронией и грустью, и совсем другое — когда это делают другие. В нашем случае — актеры Тбилисского русского театра имени Грибоедова под руководством опытного, мыслящего режиссера Андро Енукидзе. Средствами драматического театра им удалось создать атмосферу, близкую габриадзевской магии. Перед началом сценического действия зрителям показывают пятиминутный фильм, снятый в стилистике немого кино на сюжет «Травиаты». В роли Виолетты — очаровательная Мэри, в роли Альфреда — ее любимый Ладо. Но лихорадочные роковые стра-

сти выдуманных героев вытесняются трагическими реалиями эпохи репрессий: Мэри арестовывают прямо во время съемок, Ладо скорострительно умирает от горя. Таков зачин этой истории.

Дальнейшие события происходят на кладбище (сценография Шота Багалишвили, художник по костюмам Наталья Кобахидзе), где нашли свой последний приют Ладо, Давид и Яша. Все они трогательно эксцентричны. У каждого — своя драма, своя исповедь, своя боль, но, по сути, близкие судьбы — ведь они связаны общим геополитическим пространством и историческим опытом. Просто, без всякого пафоса и надрыва, ведет свой искренний монолог Слава Натенадзе — его персонаж Давид в прошлом музыкант. После кончины его душа столь же романтична и светла, какой была при жизни. «Вы чувствуете росу? Пока она не стала капельками, она пахнет фиалками...» «Да, утро прекрасное! Небо точно в книге лежало столет. По краям выцвело, а наверху по-прежнему ультрамарин...» Его романтизм, воспоминания «цвета ультрамарин» раздражают соседа по кладбищу Яшу (врач в земной жизни — его монолог экспрессивно проживает Арчил Бараташвили), душа которого и после смерти не может обрести покой и равновесие.

«Ну пойми один раз и навсегда! – увещевает он прекраснородного Давида. – Мы мертвые, и наши души должны успокоиться! Посмотри вокруг! Ни одной души на этом кладбище уже нет. Потому что каждая душа, когда сюда приходила, после первой же ночи, к утру уже знала: все, что было в жизни, ушло навсегда, кончилось, баста! И не надо переживать однажды пережитое!». В отличие от Яшиной, смиренная душа «тихого», как называет любимого Мэри, Ладо (его мягкопастельно играет обычно острый, брутальный Олег Мчедлишвили). «Да, судьба к нам была несправедлива. Но ведь жизнь продолжается?» – говорит он. Все эти такие разные души соединяет добрый ангел Мэри – Ирина Мегвинетуцеси.

В спектакле «Какая грусть...» актриса солирует в нескольких эффектных воплощениях. Точнее, ее Мэри, истосковавшаяся по сцене, является перед публикой – кладбищенскими персонажами и зрителями в зале – в ролях почти бенефисных. Вот она

Слава Натенадзе и Ирина Мегвинетуцеси

приходит к памятнику Давида в образе любившей его трепетной Титины – старушки-божьего одуванчика. И отчетливо слышны мотивы из давнего спектакля по пьесе В. Дельмар «Уступи место завтрашнему дню», героиня которого – ее играла несравненная Фаина Раневская – мучительно переживает расставание с мужем, на которое ее обрекли бессердечные дети. «Я знаю, меня не похоронят с тобой... Мне так печально, мы не будем вместе... Я их понимаю, это так хлопотно, расходы... Ну, Бог с ними...» – печально произносит Титина. Алле-оп! – и Мэри уже в образе эксцентричной Кэти, объявившей себя вдовой при живом муже (Михаил Арджеванидзе) и даже заказавшей ему памятник... Супруг заслужил подобное своими изменами! И Ирина Мегвинетуцеси – Мэри вместе с партнером показывают настоящий театр представления (именно – театр, потому что соломенная вдова и ее неверный муж – изящная выдумка!), за которым страница новой печали – фиалки на могилу

беспокойного Яши, присланные ему полуслепой вдовой.

Репрессивная машина (ее олицетворяет в спектакле представитель власти в убедительном исполнении Владимира Новосардова) настаивает героев – живых и неживых – даже на кладбище! Мэри арестовывают, а памятники Давида, Ладо и Яши выставляют на всеобщее обозрение в городском саду с трескучими лозунгами в духе времени!

В финале звучит монолог ушедшей Мэри – квинтэссенция философии смерти (актриса поднимается в своей игре на высокий уровень осмысления темы). Это прозрение героини, в котором – голос самого Резо Габриадзе. Нечасто приходится быть свидетелями столь горького откровения, столь беспощадного анализа собственной жизни и столь страстной жажды покоя! Ведь Мэри говорит от имени своего поколения, опыт которого она называет бездарным. «Нет, Давид, нам тоже надо спешить отсюда, чтоб остающиеся быстрее забыли и нас, и наш бездарный опыт! – говорит она. – Надо замолкнуть, уйти, исчезнуть, раствориться, и, наверное, самый счастливый тот, кто меньше следов оставил здесь, на этой земле! Не мучайте вашу душу, Давид! Поверь мне, Ладо! Мы только замолчим, Яша! Сперва попросимся со словами, не будем пьянеть от них! А за словами уйдут и чувства. И тогда наши души застынут. Мороз, дождь, солнце, ветер выдохнут из них все, они облегчатся, станут невесомыми, пушинками, бессмысленными, и тогда мы поймем и почувствуем, как сладко быть ничем, и мы постигнем, что были лишь гостями на подозрительной Земле, в этом мокром, кислом, ограбленном злобой и безбожием городке, и кто знает, не будем ли мы и там, куда летим, ненужными гостями? Покой! Покой! В бездну звезд, вне мира, где нет ничего, ни радостей, ни печалей, ни слез на ресницах, ни любви, потерянных лет, разлук, встреч, любимых, любимых, старости, молодости, весны, осени... Лишь пустота, покой и мир...» И тут невольно вспоминаешь судьбу булгаковских Мастера и Маргариты, заслуживших не свет, но покой.

Но вот что заслуживают молодые, только вступающие в жизнь и несущие на своих плечах тяжелый груз родительских грехов

Гига Какубери, Ирина Мегвинетухуцеси, Михаил Арджеванидзе и Ираклий Кереселидзе

и заблуждений? В спектакле в ролях «детей», нащупывающих свой путь, органичны Гванца Шарвадзе и Лука Джишкариани. Удачно дебютировали на грибоведовской сцене перспективные Ираклий Кереселидзе (актер театра Руставели) и Гига Какубава.

В заключение отмечу музыкальное решение – ностальгическая печаль буквально пронизывает спектакль.

– Моя близость к этому материалу возникла на каком-то философско-поэтическом уровне, – говорит **Андро Енукидзе**. – Я воспринимаю пьесу Резо Габриадзе как историю о представителях того поколения, которое, возможно, зря прожило свою жизнь, но все равно приносит Богу благодарность за то, что дышало, страдало, терпело. Потому что, помимо терпения и страдания, в жизни были и человеческие радости. О чем тоже говорится в этой пьесе. Мне понятна боль автора, пишущего о том, о чем он пишет. Это касается и происходящего с сегодняшним поколением – в театре, по крайней мере. Так что именно об этом поколении вышла пьеса. Ведь Габриадзе написал ее в 90-е годы. И она в этом смысле немного провидческая. Тогда мы не очень понимали, что произойдет со всеми нами. У всех было много иллюзий и надежд. А сейчас мы живем в очень четко обусловленном, регламентированном мире. И эта регламентация каким-то образом касается людей, работающих в культуре. Сегодня все выглядит... невесело. Так что, как мне кажется,

Габриадзе написал пророческую пьесу. Учитывая это, мне показалось, что я имею право и шанс поработать над этим материалом. Получилось ли? Мне кажется, получилось. Я доволен. Да, это был трудный вызов. Потому что такое количество монологов, такого содержания и такой длины, наверное, способна произвести... одухотворенная кукла. Или это можно сделать в кино, когда ты снимаешь через «стоп», когда у актера есть возможность вздохнуть и задуматься над следующим куском, а режиссер может каким-то образом снять еще один дубль, а потом все перемонтировать. Мне кажется, мы попытались открыть эту пьесу средствами нового драматического театра. Происходящее на сцене – это в каком-то смысле перифраз новаций, имеющих место в мире, переосмысление театральной этики, актерского мастерства – это не совсем Станиславский. Существуют мысль и форма. Но нет петелек и крючочков. Это факт: такие произведения пишутся, такие авторы возникают все чаще и чаще, такой театр имеет место. И кое-где даже довольно успешно работает. Думаю, наш спектакль – попытка достойная, имеющая право на существование. Я знаю, сколько усилий потратили актеры, чтобы преодолеть сложность материала. Полет духа, который происходит на сцене, мне очень дорог. Наш спектакль в меру мудр, в меру сентиментален, и в нем выражается прощение человеку. Думаю, представители поколе-

ния после сорока найдут много общего между собой и героями Габриадзе.

– Я была уверена, что «Какая грусть...» – это скорее посвящение поколению наших родителей, дедов и прадедов.

– Конечно... включая и меня самого. Ну да, не было в моей молодости 1937 года, но что-то же было! Да и сейчас нам нелегко. Может быть, идеологически какие-то вещи по-другому называются, но в любом случае проблемы, с которыми встретились наши отцы на всей территории бывшего СССР, каким-то образом не кончаются. Последние события тому подтверждение.

– Старшее поколение говорило, вслед за Чеховым: вот те, кто придут после, будут счастливее нас...

– Но наше, последнее поколение четко осознало, что человек рожден не для счастья. Католики всегда знали, что человек рожден для терпения. Православные говорят: для смирения. А нас все время обманывали, утверждая, что человек рожден для счастья. Хотя мы появились на свет для того, чтобы суметь прожить свою жизнь и попытаться получить от нее максимум пользы, но при этом остаться человеком честным, прежде всего по отношению к себе и своим близким, к своей стране – родине, к нации, к которой принадлежишь. А самое главное – после всего этого попытаться получить от жизни удовольствие. Если это есть, значит, ты не зря родился. Хотя бы иногда необходимо получать удовольствие от того, что с нами происходит!

– Хотя бы в профессии.

– Не только. От стакана вина. От встречи с другом. От любви. От того, что твой ребенок сделал что-то правильное в этой жизни, поступил честно. Есть очень много позитива. Просто нужно каждый раз уметь открывать его самому себе заново. Тогда понимаешь, что жить стоит. А иначе мы давно перестали бы существовать.

– Это итог осмысления судьбы дедов-прадедов, родителей и собственного опыта?

– Нет, это просто состояние души. Тот этап, на котором я сейчас нахожусь. Наступит но-

вый – честно поставлю спектакль о другом. Режиссер ставит так, как он видит этот мир сегодня. И мне показалось: эта пьеса близка тому, что я могу сегодня прочувствовать и сказать об окружающей реальности.

– Совпало?

– Совпало ли? Мне кажется, слово «совпало» нерелевантно. Каждый человек начинает думать о душе на определенном отрезке своего бытия, подводит итоги. Для Габриадзе эта пьеса – попытка подвести первую черту, резюмировать какой-то этап своей жизни. Похожий процесс происходит в каждом нормальном человеке, когда он проживает какое-то количество лет. Попытка резюме у некоторых тупая, глупая. У других – реактивная. У Резо это обрело яркую литературную, драматургическую форму, пьесу можно интересно снять, или поставить на сцене что-то кукольное, потрясающая была бы и анимация. Как выяснилось, это можно сделать и в драматическом театре. Наша постановка тому пример. Новые театральные формы позволили мне правильно вникнуть в смыслы и найти формы, которые возможны в работе над этим литературным материалом. Материал сам по себе удивительно глубок, поэтичен и во многих моментах точен. Я попытался не сокращать текст и нашел ресурс, позволивший произвести столько монологов, каким-то образом открыться душе в каждом определенном случае в том регистре, на котором это должно звучать. Речь идет об особой психотехнике. Серьезная, большая актриса Ирина Мегвинетуцеси это доказывает. Она находится на том этапе, когда может принести на сцену что-то новое и нужное. После удачной работы в спектакле «Ночь Гельвера» актриса ярко проявила себя и в новом материале. То же самое могу сказать и о других актерах. Играть как бы ни о чем, на этюдах (в спектакле нет общения с партнером, то, что партнер тебе отвечает, не обуславливает твоего события) и нести глубинный смысл – с данной задачей справились все участники постановки. К примеру, Слава Натенадзе принадлежит к поколению актеров, пытающихся что-то подытожить, понять, а не просто существовать...

Вместе с Георгием Варсимашвили мы сняли клип, он стал

зачином спектакля. Получилась очень хорошая пародия на немое кино, что оказалось правильным ходом. Полижанровость постановки дает ей право на хронометраж, ведь у нас часто меняется стилистика. Это придает действию динамизм, и у зрителя появляется шанс поучаствовать в духовном процессе, который происходит на сцене.

– И еще – условность. Ведь мы принимаем по умолчанию тот факт, что Мэри общается с мертвыми.

– Это магия театра. Нужно убедить зрителя в том, что все так и должно быть. Мудрость актрисы и режиссера в том, что мы не стали выстраивать этот процесс. То есть поступили не пошкольному. Сделали это мудро, спокойно. Когда зрителю ничего не объясняешь, он верит тебе гораздо больше, чем если разжевываешь. Поэтому условность принимается зрителем легко.

– В спектакле мы видим три

том просто умирает. И, умирая, говорит, что смирился. В лучах разноцветных софитов он поет в микрофон: «Прощай-прощай, жизнь, прощай-прощай, счастье, кажется, я умираю!»... Так что Мэри в финале – это уже какая-то квинтэссенция, действительно как бы та четвертая ипостась, и она опирается на все три другие, которые героиня успела прожить. Разные стороны судьбы, души...

– И это еще более явственный голос Габриадзе...

– Наверное... Там еще текст Давида в конце: «В раю искусства попадаются и грешники. Спасибо тебе, Боже. Как ты великодушен...» Эта фраза стоит после колоссального монолога Мэри, поэтому она не очень «стреляет». Хотя в этих словах Давида заключена надежда самого Габриадзе. Смерть – составная часть жизни.

– Обычно в драме автор растворен в персонажах. В этой же пьесе лирический момент очень силен.

Сцена из спектакля

ипостаси Ирины Мегвинетуцеси – Мэри, Титина и Кэти. Но последний монолог в ее исполнении – это уже нечто четвертое. Какая-то сверх-Мэри...

– Это Мэри, которая готовится умереть.

– Это ее перерождение, новое качество?

– Безусловно. Потому что человек, который готовится умереть, уже немного другой. Он должен что-то принять или не принять. Как в фильме «Весь этот джаз» Боба Фосса герой ставит мюзикл о своей смерти, а по-

– Наверное! Постановка этой пьесы была бы невозможна для меня лет 15 назад. Как-то нужно было дозреть до всего этого. И по мастерству, и по человеческим качествам. Когда я понял, что хочу и могу ставить Габриадзе, для меня это стало каким-то вызовом. Я должен был справиться. И с актерами, и с какими-то формальными моментами. В итоге у нас получился абсолютно интернациональный продукт. Он может идти на любой сцене мира и везде будет восприниматься.

Джованни Вепхвадзе. Весь Тифлис

РАССКАЖИ МНЕ О ГРУЗИИ...

Александр ЭБАНОИДЗЕ

Продолжение

В ожидании ответа

Письма получились толстые. В особенности вместе с приветами и пожеланиями от нашей родни Сашиной бабушке, а также фотографиями, которые я навыврезал из альбомов, и моими рисунками. Пришлось посылать в двух конвертах. Я так дорожил своей работой, что попросил отправить заказным. Дороже, зато надежно. Отправил и стал ждать.

Прошла неделя.

Потом другая.

Ответа не было.

Как-то зашел в музей к тете Лали. А у нее иностранцы – та-

раторят по-французски. И она с ними, раскраснелась, глаза щурит, в руках сигарета – от французов не отличишь. Я по-французски ни бум-бум, только и могу, что от английского отличить. Слышу: «Вардзия!.. Вардзия!..» – Все ясно, – думаю, – в Вардзию наладилась...

Наконец, тетя Лали меня заметила. Обняла за плечи и залепетала радостно. Не ожидал, что она так лихо по-французски чешет. Одно только слово знакомое уловил – «Звенигород». Интересно, причем тут Звенигород?!

Я знаю, как себя со взрослыми вести. То потуплюсь скромно, то взгляну простодушно. А они в восторге, какой мальчуган! Тре бьен! Тре бьен... Лысый дядька жевательную резинку протянул, так я ему даже отфранцузил:

«Мерси!»

Наконец, нагалдевшись уехали. Туда им и дорога

Тетя Лали их проводила, вернулась и распахнула окно.

– Накурили-то как...

Потом повернулась ко мне:

– Ну? Что нового, Гиичка?

Я пожал плечами.

– Сколько дней, – говорю, – надо письму до Звенигорода

– Не знаю, мой дорогой. Сейчас почта плохо работает. А что, нет ответа от Саши?

– Нету.

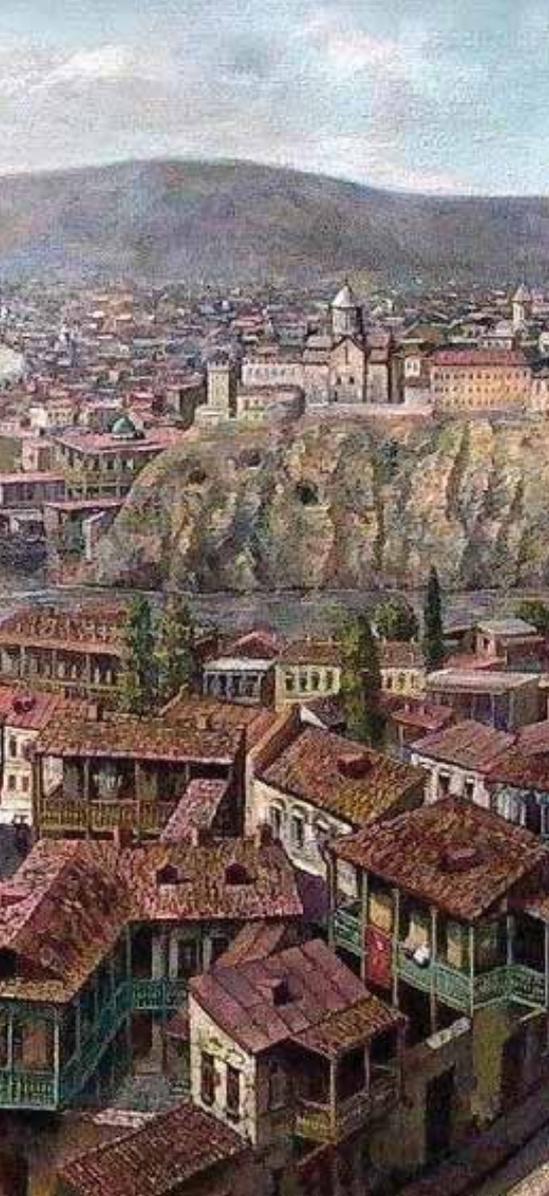
– А ты давно отправил?

– Послезавтра две недели.

Тряхнула седой челкой.

– Ну, две недели не срок! В оба-то конца... Это при почтовых каретах письма быстро доставлялись.

Я подошел к распахнутому

окну. За окном шумел проспект Руставели. Платаны скрывали Дворец пионеров на противоположной стороне, и прохладный старинный парк, выхолненный поколениями садовников.

Когда-то там царский наместник встречался с Хаджи-Муратом, а переводчиком им служил молодой Лорис-Меликов, будущий канцлер империи... Правее дворца виднелся дом правительства и площадь с черными от свечного нагара камнями.

– Что их занесло в такую даль? – спросил я, не оборачиваясь.

– Ты о ком? – не поняла тетя Лали.

– О Саше и его родителях.

– Но он же писал тебе в первом письме.

– Ты так говоришь «в первом», как будто было второе... Я расспрашивал предков, но папа – другое поколение. Кое-что помнит со слов дедушки. А ты?

– Что я? – взглянула и усмех-

нулась. – Я ведь старая, как музейный экспонат. Скоро выставишь меня в разделе неолита.

В экспонат она не годилась, хотя, конечно, была старая. Только глаза молодые. Застегнула сумку на молнию, прикинула вес.

– Хочешь, поедем ко мне, покажу кое-что... Как у тебя с уроками?

– Отлично! – соврал я.

– Вот и ладно. Только позвони домой.

Выслушав меня, бабушка завела свое обычное:

– Не опаздывай, сынок, отец будет недоволен. И тете Лали дай отдохнуть, прямо извел всех своей перепиской, – она говорила медленно, жалостливо; таким голосом жалуются на боль.

– Да и сестренка без тебя не уснет.

– Ладно, – буркнул я. – Пока! – и положил трубку.

Из музея поехали троллейбусом до парка Победы, где над стекающим с горы водяным каскадом стоит бронзовая женщина с пальмовой ветвью в руке. Мне нравится эта скульптура. Разве что великовата рядом с деревьями. Но деревья вырастут...

Троллейбус был №11, тот, что проходил мимо ипподрома; в нем пахло сеном и лошадыми. Пассажиры принюхивались, смеялись: «Какая прелесть! Как будто дилижанс, а не троллейбус...»

Дом тети Лали стоял в овраге, по дну которого бежала речушка Вере. Ниже по течению, против университетского холма раскинулся зоопарк. Тетя Лали уверяла, что ночами слышит львиный рык. Скорее всего ее обманывал

слух: до зоопарка отсюда не так и близко. Зато, с ипподрома из-за горы часто доносился дробный стук копыт, гонг и азартные крики.

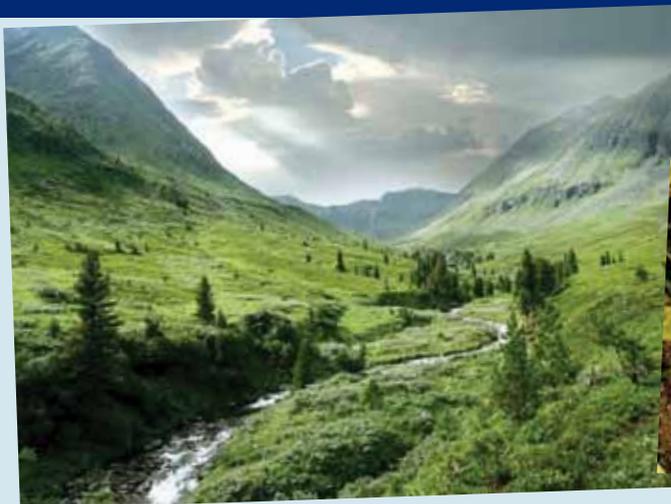
Первым делом, тетя Лали накормила меня. Затем увела в комнату с картинами и фотографиями на стенах, посадила в кресло и протянула толстый, обтянутый бархатом альбом – он лежал на этажерке под кружевами и вызывал примерно такое же чувство, как бабушкина «Библия».

Рассказ тети Лали

– Значит, ты хочешь узнать о дедушке Александре... – она села на стул против меня у стола. – Конечно, я его помню. Помню его отъезд незадолго до войны, хотя мне было тогда не больше десяти... Как бы тебе дать почувствовать, что это было за время... На улицах Соллолака у подъездов старинных особняков останавливались мацонщики (мацонщик – продавец мацони, особо заправленной простокваши) с осликами: разъезжали кутилы на фаэтонах. В пасху к базарам сгоняли гурты овец. Люди жили по-разному. Одни цеплялись за старый Тбилиси, – «город роз и бараньего жира», – как называл его заезжий литератор (тетя Лали припомнила слова Исаака Бабеля). Другие равнялись на Запад: электричество, радио, аэропланы... К числу последних принадлежали оба твоих дедушки. Должна сказать, что в нашем роду вообще отчетливо просматривается западный крен и, признаюсь, я не в восторге от этого

В тбилисском зоопарке. Фото: Мзия Шарашидзе

Боржомское ущелье

Звенигордский пейзаж

однообразия. Вот и мы с твоим отцом живем по графику: утром зарядка, газеты, кофе; вечером телевизор и мацони для приготовления. А между ними – работа. Может быть, хоть ты, мальчик, плюнешь на все и вспомнишь беспечную мудрость наших предков, – тетя Лали с шутовой надеждой посмотрела на меня.

Я заерзал, глубже влез в кресло и без улыбки сказал:

– Я подумаю.

Она засмеялась. У нас фамильное чувство юмора.

– Открой четвертый лист. Открыл? Это и есть дедушка Александр. Наш Саша. Почему-то его звали Саша, а не Сандро. Как будто знали, что он полюбит русскую женщину и свяжет жизнь с Россией. Не уверена, что это имя шло ему. Видишь какой он собранный, целеустремленный... Тогда носили такие английские пиджаки из твида. И английская же прическа.

С фотографии на меня дружелюбно смотрел красивый брюнет в клетчатом пиджаке и рубашке с отложным воротником. Он и в самом деле был тщательно причесан и выбрит. Тетя Лали упускала только некоторую мечтательность темно-карих глаз.

– После университета его направили в Москву, в аспирантуру. Если не ошибаюсь, это случилось в сороковом. Ну да, стало быть, мне уже было двенадцать, а не десять... А в сорок первом – война. В октябре он уже на передовой. И всю войну с тремя отпусками по ранению. В один из отпусков он даже до родной деревни добрался, но столько времени потратил на дорогу, что чуть не сразу пришлось уезжать...

Тетя Лали замолчала, глядя мимо меня.

– Только начни вспоминать...

– усмехнулась грустно и покачала головой. – Это все не по теме. Верно?

– Верно, – кивнул я.

Потянулась за альбомом, переложила себе на колени и облокотилась на него, продолжала.

Ну, как там да что – не знаю, но привез он с войны жену, Нину. Хорошенькая – загляденье! Волосы золото, глаза синие, реснички и брови черные, а зубы сахарные. Саша ее Подсолнухом звал. И точно – было в ней что-то от подсолнуха – яркая и свежая... Привез осенью, к самому сбору винограда. Думаю, нарочно подгадал. Сам знаешь, какая у нас осень. Каштановые леса по горам краснеют. Тишь. Теплынь. Благодать. И даже в безветрие каштаны с деревьев сыплются, стучат по листьям, вроде град никак не разразится. А под деревьями свинки бродят задумчиво – каштаны жрут. Нежными пяточками на колючки накальваются и всхрюкивают недовольно. Очень поросята Нину веселили. Она вообще смешливая была, веселая... Всем по сердцу пришла. Даже тем, кто ворчал поначалу... Молодым спаленку разукрасили. По стенам гирлянды из виноградных гроздьев и кукурузные в вывернутых листьях. А на подоконнике и на комодке фрукты навалом. Нине молодое неперебродившее вино по вкусу пришлось – сладкое и шипучее, как лимонад. Пила его прямо из кувшина и утиралась ладонью. Тогда я услышала от нее те слова, что тебя в Сашином письме поразили:

– Даже на фронте, – говорит, – в нашей землянке я не была так счастлива! – Взяла с подоконника айву, понюхала и тихо засмеялась: – Вот, оказывается, как пахнет счастье...

Рассказ тети Лали затягивался – со взрослыми это бывает, когда молодость вспоминают. Если и дальше так, я к девяти домой не успею. Собрался с духом и спрашиваю кротким голосом:

– А дальше что? Тетенька Лали...

– Погоди, сейчас все узнаешь... – переложила альбом на стол и вздохнула тяжело. – Несколькими раз Александр оставлял жену на наше попечение и ездил по делам в Тбилиси. Без него Подсолнух больше всего тянулась к его матери, тете Федосье, хотя старуха не говорила по-русски. Занятно было смотреть, как они общались: гримасничали, жестикулировали и смеялись обе. Подсолнух заливалась звонко, а тетя Федосья собирала веселые морщины и разевала беззубый рот...

А теперь отвечу на твой вопрос. Тбилисские хлопоты кончились ничем: квартиру нашему фронтовику не дали. И в декабре укатили они назад. В Звенигороде у Нины хоть было жилье... Он работал там в опытном хозяйстве, но сказались фронтовые раны, пришлось рано выйти на пенсию...

– В гости-то они хоть приезжали? – неизвестно чем задетый, попытался я.

– Еще бы! Поначалу чуть ли не каждую осень. Это позже, когда твои дедушка с бабушкой умерли, а сам он заболел, связь разладилась. Но раза два они и внука в нашу деревню привозили.

– Саша писал про большой дом и желтеньких цыплят, – вспомнил я письмо звенигородского брата и спросил, – А ты бывала у них?

– А как же! – ответила тетя Лали. – И не раз.

– Ну и что это за Звенигород такой? – Я был прямо-таки окол-

дован этим именем: оно тихо звенело во мне.

— Представь себе славянскую ширь, Москву-реку в бескрайней пойме, ключи в оврагах. По холмам могучий породистый лес. Над его зеленой гривой — маковки старинного монастыря. И белокаменный собор на горке.

Ничего себе — картина!.. Я даже заревновал.

— Тебя послушать, так там красивой, чем у нас.

Тетя Лали внимательно посмотрела на меня. Усмехнулась.

— Что за мальчишество, Гия! Земля прекрасна всюду, где ее не изуродовал человек. Чтобы убедиться в этом, достаточно просто поехать по свету. А овраги и взгорки под Звенигородом похожи на Боржомское ущелье. Бедняга Александр говорил, что они заменяют ему родину...

Назад я возвращался тем же одиннадцатым троллейбусом. Около ипподрома теплый ветер вдул в открывшиеся двери запах лошадей и сена, и полупустой троллейбус повез его по вечернему Тбилиси.

Я ехал и думал о далеком красивом городке со звенящим именем, о женщине, похожей на подсолнух, о двоюродном брате, от которого ждал ответа на свои старательные послания...

Однако еще долго ответа не было.

Я боялся позабыть прочитанное, запутаться в нем и с прежней старательностью писал свои письма.

Еще об истории

Теперь расскажу о двух великих наших царях — Давиде Строителе и царице Тамаре. На этот раз обойдусь без советов тети Лали — об этих царях каждый грузин знает достаточно много, даже в моем возрасте.

Чтобы не ошибиться в датах, я все-таки взял в шкаф затрепаный учебник истории Грузии. Стоило вдохнуть знакомый запах пожелтевших страниц — и меня как в воронку втянуло в прошлое. Размытость снимков подстегивала воображение — разглядывая клады и захоронения Армази (Армази — языческое капище в городе Мцхета, древней столице Грузии), я дышал сыростью и тленом раскопок, а средневековые храмы казались, тонули в дымке веков...

Вот и страница с изображением Давида Строителя. Царь стоит в расшитой одежде и украшенной драгоценными камнями царской шапке, со свитком законоположений в одной руке и макетом храма в другой — уверенный, благожелательный, спокойный. Красивое грузинское лицо с коротко подстриженной седеющей бородой и усами, открытый взгляд из-под густых бровей...

За двадцать пять веков нашей истории мы знали немало славных героев и мудрых правителей. Мудр был создатель грузинской письменности Парнаваз, могуч рыцарственный Вахтанг Горгасал, самоотвержены Деметре II и Цотне Дадиани, бесстрашен Георгий Саакадзе, неутомимы в борьбе с врагами Теймураз и Ираклий II... Восхищение, даже оторопь вызывают их подвиги и деяния. Стоит вообразить себя в дружине Саакадзе и — ей-богу, дух захватывает и сами собой сжимаются кулаки! Но никто не вызывает такого чувства, как Давид Строитель. Чтобы его определить, надо вспомнить себя рядом с отцом. Защищенность. Надежность. Покой. И благодарность тому, кто одарил тебя этим покоем, этой уверенностью. А еще сознание того, что эта сила ничем не повредит тебе — ни по лихости, ни по неосторожности. Что она добра и справедлива. Словом, сыновья любовь. Ни один грузин не назывался отцом нации с таким правом, как Давид Строитель.

Итальянский путешественник Марко Поло, побывавший в Грузии в конце XIII века, заметил, что среди грузинских царей распространено имя Давид. Это не случайно: по преданию грузинские Багратионы вели свой род от библейского царя Давида. Даже в таком длинном славном ряду царь Давид IV, прозванный Строителем, выделяется как правитель и человек.

Перед его воцарением Грузия пережила особенно трудные времена. С Востока нахлынул новый могущественный враг — турки-сельджуки. Прежние завоеватели персы, римляне и арабы довольствовались поборами и влиянием, турки же шли для того чтобы навсегда поселиться на плодородных землях и потому особенно жестоко расправлялись с населением. Грузинам не впервой было вступать в неравную схватку. И на этот раз они

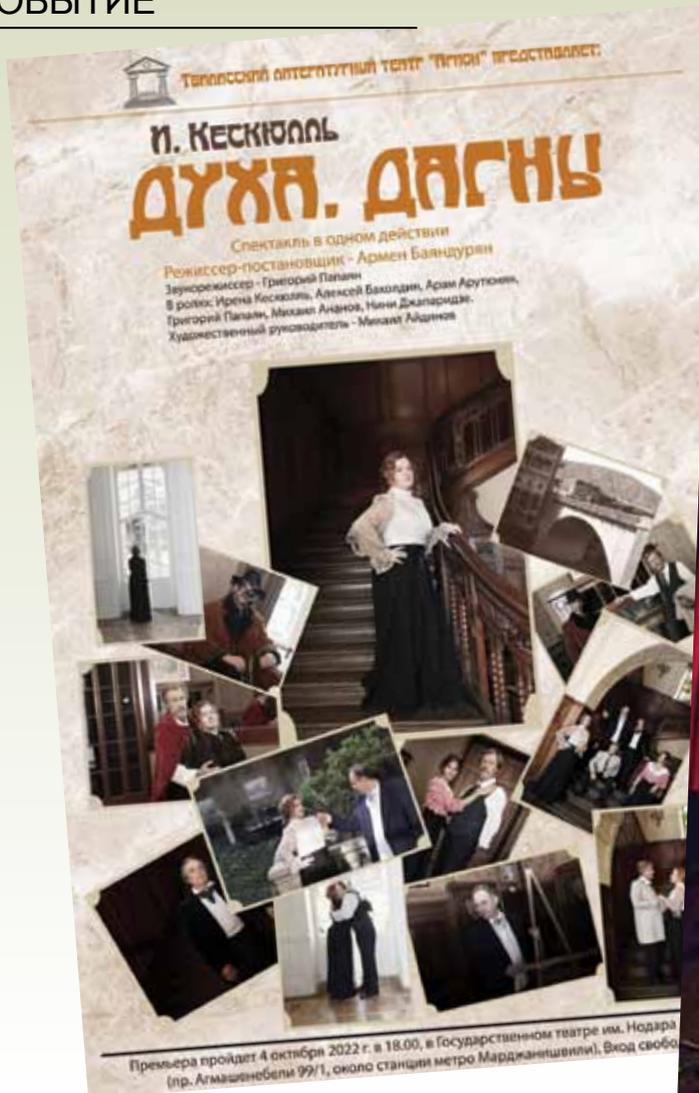

Давид Строитель.
Фреска монастыря Гелати

мужественно отразили первые удары. Однако, силы были слишком неравны. Тем более, что Византия — наш единственный союзник в борьбе с исламом, пятилась на запад под ударами сельджуков. Разрозненные княжества не сумели объединиться для отпора. Так наступил 1080 год, названный в летописях «великим турецким нашествием». Сельджуки разорили южную и восточную Грузию, разрушили города, осквернили монастыри и храмы, уцелели только области в Причерноморье и в предгорьях Кавказа.

Вслед за нашествием на страну обрушилась новая беда — страшное землетрясение 1088 года. Города и селения превратились в развалины. Потрескались стены крепостей и замков.

Необычно снежная зима, последовавшая за землетрясением и бурное весеннее половодье, довершили разорение. Взбесившиеся реки изгрызли дороги, смыли посевы и виноградники, вызвали оползни и наводнения. Хозяйство пришло в упадок. Казалось, все силы соединились для того, чтобы стереть с лица земли маленькую страну и ее народ. Грузия стояла на краю гибели. Только чудо могло спасти ее. И чудо свершилось: невезучий и легкомысленный царь Георгий II, подавленный военными неудачами и стихийными бедствиями, уступил престол сыну — шестнадцатилетнему Давиду. Это оказалось единственное мудрое решение, принятое им за годы царствования. Но оно стоило многих!

«ДУХА. ДАГНЫ»: ИСТОРИЯ МУЗЫ МОДЕРНИСТОВ

■ Соб.инф.

Фото: Юрий Мечитов

Недавно Тбилисский литературный театр «Арион» с аншлагом представил премьеру исторической драмы Ирены Кескюль «Духа. Дагны» в постановке художественного руководителя Тбилисского государственного армянского драматического театра им. Петроса Адамяна Армена Баяндуряна. Спектакль приурочен к 155-летию со дня рождения героини – Дагны Юль Пшибышевской. История роковой любви и гибели в Тифлисе самой известной и одиозной женщины из кругов европейской богемы конца позапрошлого столетия обрела новое звучание благодаря оригинальному режиссерскому подходу. Именно психологизм и построение действия «на грани» позволили зрителям испытать эффект погружения в атмосферу литературного перформанса, а актерам – вживания в сложные и многоуровневые образы.

Литературный театр «Арион» под руководством Михаила Айдинова начинался 14 лет назад, со спектакля этого же автора, И. Кескюль: постановка «Выстрел на Черной речке» была посвящена дуэли Пушкина. С самого начала деятельности театра внимание уделялось пьесам тбилисских драматургов – членов Пушкинского общества, а особый акцент делался на литературной составляющей спектаклей, в которых наряду с профессиональными актерами и режиссерами принимали участие члены Общества, слушатели курсов журналистского мастерства при Ассоциации русскоязычных журналистов Грузии. Представления проходили на сцене Государственного театра юного зрителя имени Н.Думбадзе, в Кавказском доме, Доме писателей, Доме композиторов, Доме дружбы. Благодаря поддержке Мини-

стерства культуры Грузии их увидели жители различных регионов страны. Театр «Арион» стал лауреатом международного фестиваля «Театральный Лори» в Армении. За многие годы ежегодные постановки в разных жанрах стали доброй традицией.

Нынешняя премьера, которую срежиссировал Армен Баяндурия (предыдущие спектакли ставили такие известные режиссеры грузинских театров, как Тенгиз Авалишвили, Левон Узунян, Анатолий Лобов), стала двенадцатой по счету. Сюжет, немного не привычный для грузинского зрителя, тем не менее, тесно связан с историей нашего города: с трагедией, произошедшей в номере тифлисского «Гранд-отеля» в 1901 году. Эта история роковой любви и смерти не раз вдохновляла писателей и режиссеров. Юрий

Нагибин посвятил ей рассказ «Трое и одна и еще один», по которому Татьяна Воронецкая в 2007 сняла фильм «Натурщица». Норвежский режиссер Хаакон Сандой еще в 1977 выпустил биографическую киноленту «Дагны» со звездой польского кино Даниэлем Ольбрыхским и норвежкой Лиз Фельстад в главных ролях. В 2001-м, в год столетия гибели Духи (так звал Дагны ее муж Станислав Пшибышевский), на сцене тбилисского Дома искусств была показана та же пьеса И. Кескюль в сокращен-

ном варианте под названием «Полет утренней звезды» (реж. Р. Кервалишвили).

Если для тбилисцев образ Дагны – это только одна из печальных историй города (хотя за последние пару десятков лет ее могила в пантеоне Кукийского кладбища и «Гранд-отель» стали популярными местами паломничества туристов), то для европейских исследователей и историков литературы она – женщина-легенда, писательница, пианистка, драматург, поэтесса, муза Августа Стриндберга и Эдварда Мунка. И, конечно, жена основателя польского модернизма Станислава Пшибышевского и жертва его роковой любви. Это его приятель и страстный поклонник его творчества, представитель польской «золотой молодежи», безумец Владислав Эмерик выстрелит в висок спящей Духе и затем пустит себе пулю в лоб, скрупулезно настроив перед этим несколько художественно оформленных завещаний и предсмертных записок...

С дагерротипов на нас смо-

тит женщина канонической красоты с холодным лицом сфинкса и ореолом солнечных волос вокруг головы. Но нашла ли она среди многочисленных поклонников того, единственного? Любила ли она сама кого-нибудь? Ответ на этот вопрос однозначен: мужчиной ее жизни и средоточием ее вселенной был самовлюбленный нарцисс, звезда берлинских литературных салонов, ее муж и Пигмалион Станислав Пшибышевский.

На передний план в нынешнем спектакле «Духа. Дагны» вынесены непростые отношения Стаха (Алексей Бахолдин) и Дагны (Ирена Кескюль). Эпиграфом и к пьесе, и к постановке послужила цитата самой Дагны Юль: «Самая полная любовь – это та, которая толкает к гибели и утверждается в ней. Это прекрасно как раз потому, что неизбежно, а трагизм этого всегда искушает лихорадкой тех единственных впечатлений, которые стоит испытать. Перед лицом неизбежной катастрофы, от которой никуда не деться, человек остается один; и в эту

игру нужно сыграть красиво и достойно. Это так утешает. Без истерических криков, тщетных молений о пощаде. В небытие уходят с холодным смирением и ледяной элегантностью». Эти слова соотносятся не только с символистским пафосом, но и мировидением многих европейских авторов XIX века – схожее мнение высказывал и Ги де Мопассан в романе «Монт-Ориоль», и Шарль Бодлер в сборнике «Цветы зла». Позднее те же постулаты искусства без морали и только ради самого искусства провозглашали и русские символисты. Однако, в финале пьесы становится понятно, что от декадентских напыщенных изысков ее создатели намеренно оставили только атмосферу и внешний облик героев: их обнаженные, лишенные пестрых оберток, неподдельные чувства заставляют зрителя сопереживать действию, благодаря чему и становится возможным столь спорный в условиях представленных обстоятельств катарсис.

Тбилисский этюд

Фото: Елена Галашевская

Хвича КВАРАЦХЕЛИЯ,
вингер команды «Наполи» (Италия) и сборной Грузии по футболу

Фото: **Francesco Recoraro/Getty**